

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS
IN
EPISTOLAM AD TIMOTHEUM II

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН
ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ
К ТИМОФЕЮ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова
Редактор: В.М. Лоцманов

2011 г.

Предисловие

Из рассказа Луки едва ли можно установить, когда было написано Первое Послание к Тимофею. Но я не сомневаюсь, что Павел после этого разговаривал с Тимофеем лично, и также возможно (если верить общепринятому мнению), что он еще неоднократно прибегал к его услугам в качестве помощника и товарища. Что же касается Второго Послания, то легко заключить, что в момент его написания Тимофей еще находился в Эфесе, поскольку Павел приветствует в конце Прискиллу, Акилу и Онисифора. Последний из них был эфесянином, другие же, по свидетельству Луки, остались в этом городе, когда Павел отплыл в Иудею.

Главная цель апостола состояла в том, чтобы утвердить Тимофея как в евангельской вере, так и в настойчивой искренней ее проповеди. И, если принять во внимание время написания, увещевания Павла покажутся еще весомее. Апостол стоял тогда на пороге смерти и был готов пойти на нее ради евангельского свидетельства. Итак, все, что мы читаем в этом Послании о Царстве Христовом, – о надежде на вечную жизнь, о христианском подвижничестве, об исповедническом уповании, об уверенности в учении, – надо считать написанным не только чернилами, но и самой кровью Павла. Ибо за все, чему он учит в этом послании, Павел готов поручиться своею смертью. Посему послание это – как бы торжественная подпись, удостоверяющая учение апостола, удостоверяющая здесь и сейчас.

Полезно помнить и о том, о чем мы уже говорили в толковании на Первое Послание: все, что писал Павел, он писал не только ради Тимофея. Через него апостол хотел преподавать общее учение, чтобы потом сам Тимофей передал его другим. Прежде всего, похвалив веру Тимофея, в которой он был воспитан с младенчества, апостол увещевает его верно придерживаться учения, которому он научен, и добросовестно исполнять служение, которое ему вверено. Одновременно, дабы Тимофей не пал духом из-за уз апостола и отпадения других, Павел похвывается своим апостольством и ожидающей его наградой. Он хвалит Онисима, пытаясь воодушевить прочих его примером. И поскольку положение тех, кто хочет служить Христу, весьма тяжело, апостол в качестве сравнения приводит земледельцев и воинов, из которых первые без колебаний вкладывают в землю огромный труд, прежде чем пожнут с нее хоть какой-нибудь урожай. Также и воины отстраняются от всех забот и дел, чтобы полностью посвятить себя армии и полководцу.

Затем, кратко изложив суть своего благовестия, апостол заповедует Тимофею передавать его другим и заботиться о том, чтобы оно дошло до потомков. Потом, снова упомянув о своих узах, апостол переходит к воистину святому самовосхвалению, дабы мужество его воодушевило благочестивых. Павел повелевает всем взирать на ожидающий нас на небесах венец, как на что-то такое, чем мы уже обладаем. Попутно апостол велит воздерживаться от словопрений и никчемных вопросов но, напротив, рекомендует усердие в деле назидания. И, чтобы стало еще яснее, сколь велико осуждаемое им зло, Павел сообщает, что некоторые из-за него погибли, приводя имена Именея и Филита, которые, впад в чудовищное безумие, ниспровергающее веру в воскресение, уже понесли страшную кару за свою суетную никчемность. Но, поскольку подобные отпадения производят великий соблазн, особенно если от веры отходят знаменитые и уважаемые люди, апостол учит, что это никак не должно смущать благочестивых. Ибо не все исповедующие имя Христово воистину принадлежат Христу. И Церковь с необходимостью должна быть подвержена подобным невзгодам, пребывая в этом мире среди добрых и злых. Но, дабы немощные души не слишком от этого смущались, апостол делает смягчающую оговорку: Господь до конца устережет избранных Им людей.

Затем Павел возвращается к увещеванию Тимофея, дабы тот продолжал добросовестно исполнять свое служение. И чтобы внушить ему еще большую бдительность, апостол говорит о том, сколь грозные времена ожидают добрых и благочестивых, и сколь опасные

появятся вскоре люди, толкающие к гибели других. Но вопреки всему этому Павел укрепляет Тимофея надеждою на счастливый и благополучный исход. Особенно он рекомендует ему настойчивое упражнение в здоровом учении, указывая на правильное использование Священного Писания, и давая Тимофею понять, что тот всесторонне обучен всему этому для основательного назидания Церкви.

Затем апостол говорит об ожидающей его скорой смерти. Но говорит так, словно он – победитель, спешащий совершить триумфальный въезд. Воистину, прекрасный пример удивительной и достойной восхищения уверенности Павла.

И наконец, попросив Тимофея как можно быстрее к нему придти, апостол объясняет необходимость этого своим тогдашним положением. В этом, главным образом, и состоит заключительная часть Второго Послания к Тимофею.

Глава 1

1. Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе, 2. Тимофею, возлюбленному сыну: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего.

(1. Павел, волею Божиею апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе, 2. Тимофею, возлюбленному сыну: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего.)

1) *Павел.* Из этого вступления мы видим, что Павел думал не только о Тимофее. Иначе он не стал бы столь величественно провозглашать свое апостольство. Зачем обращаться с высокопарными словами к тому, кто уже и так достаточно осведомлен о сути дела? Значит, здесь апостол отстаивает свой публичный авторитет перед всеми, и делает это тем более старательно, что, будучи близок к смерти, желает подтвердить все свои предыдущие дела. Он хочет запечатлеть учение, которое столько времени проповедовал, дабы оно стало священным для потомков. Кроме того, апостол хочет оставить им через Тимофея истинный и подлинный образец этого учения.

Прежде всего, по своему обыкновению, Павел называет себя *апостолом Христовым*. Отсюда следует, что говорит он не в качестве частного лица, и слушать его надо не так, как мы обычно слушаем других, то есть, с небрежением. Павлу следует внимать, как тому, кто говорит от имени Самого Иисуса Христа. Однако, поскольку достоинство этого служения столь велико, что подобает кому-либо только по благодаянию и назначению Божию, Павел одновременно говорит о своем призвании, добавляя, что поставлен *волею Божией*. Поэтому, коль скоро Бог – Творец и Защитник его апостольства, подлинность его абсолютно и несомненно бесспорна.

По обетованию. Дабы призвание его стало еще достоверней, апостол соединяет его с обетованием вечной жизни и как бы говорит: подобно тому, как Бог с самого начала обещал во Христе вечную жизнь, так и теперь Он поставил меня служителем, провозглашающим Его обетование. И, говоря это, Павел также указывает на цель своего апостольства: приводить людей ко Христу, дабы они обрели в Нем жизнь. Упоминание о том, что обетование жизни было некогда дано отцам, звучит здесь вполне уместно, но, по свидетельству апостола, эта жизнь заключается *во Христе*. Из этого мы узнаем, что вера тех, кто жил во времена закона, должна была, тем не менее, взирать на Христа, и жизнь, содержащаяся в обетованиях, в каком-то смысле откладывалась до тех пор, как была явлена нам во Христе.

2) *Возлюбленному сыну.* Этими словами апостол не только свидетельствует о своей любви к Тимофею, но и приписывает ему авторитет, являя Тимофея своим подлинным духовным потомком. Причина такого обращения в том, что Павел еще прежде родил его во Христе. Ведь, даже если подобная честь подобает одному лишь Богу, она, тем не менее, переносится и на служителей, трудом которых Он пользуется для нашего возрождения.

Благодать, милость. Павел использует слово «милость», которое обычно опускает в других своих приветствиях. Думаю, он делает это для того, чтобы излить свои чувства с еще большей пылкостью. Впрочем, кажется, что здесь нарушен порядок. Поскольку милость есть причина благодати, на первом месте должна упоминаться она. Однако вполне уместно поставить на первое место и благодать, чтобы, тем самым, лучше выразить, какова эта благодать и откуда она проистекает. В своем заявлении апостол как бы связывает эти две вещи: мы потому возлюблены Богом, что Он милостив к нам. Хотя сказанное можно отнести и к ежедневным благодеяниям Божиим, каждое из которых есть свидетельство Его милости. Ибо, всякий раз, как Бог нам помогает, избавляет нас от зла, прощает наши грехи, щадит нашу немощь, Он делает это из-за Своего к нам милосердия.

3. Благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистой совестью, что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, 4. и желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости, 5. приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе.

(3. Благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистой совестью, как непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, 4. и желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости, 5. приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе.)

3) *Благодарю.* Это место обычно толкуют так, будто Павел благодарит Бога и затем в качестве причины благодарения приводит то, что он непрестанно вспоминал Тимофея. Но пусть читатели подумают, не будет ли так же или даже еще лучше подходить следующий смысл: всякий раз, как я вспоминаю о тебе в своих молитвах, а делаю я это постоянно, я возношу за тебя благодарения. Ведь союз *ὥς* часто понимается именно в таком смысле. Действительно, если следовать другому переводу, то смысл окажется весьма поверхностным. При таком толковании молитва будет признаком обеспокоенности, а благодарение – признаком радости, поскольку Павел, думая о Тимофее, всякий раз вспоминал о том, какими он украшен добродетелями. Отсюда он и черпает повод для своего благодарения. Ведь вспоминать о дарах Божиих всегда сладко и приятно для благочестивых. Но, какое бы толкование ни дать, в любом случае мы видим здесь доказательство истинного благоволения Павла к Тимофею. И это воспоминание¹ апостол называет *ἀδιάλειπτον*, поскольку оно постоянно приходило к нему, когда он молился.

Которому служу от прародителей. Апостол противопоставляет это свидетельство известной клевете, которую на него повсеместно возводили иудеи: будто он – предатель отеческой религии и отступник от закона Моисея. Павел же, напротив, свидетельствует, что почитает не какого-то нового, выдуманного им самим, бога, а Того, о Котором узнал от своих предков и Который дал Свой закон через Моисея. Но здесь возникает вопрос: Павел хвалится тем, что следовал воспринятой от старших религии. Но достаточно ли это надежное основание? Ведь под этим предлогом можно оправдать любые суеверия, и, наоборот, обвинить в преступлении любого, хоть на йоту уклонившегося от установлений отцов, какими бы они ни были. Однако ответ весьма прост: здесь не устанавливается общий закон, гласящий, что каждый, следующий религии своих отцов, почитает Бога правильным образом, и, наоборот, что виновен тот, кто отошел от обычаев своих предков. Надо учитывать важное обстоятельство: Павел вел свое происхождение не от идолопоклонников, а от сынов Авраама, чтивших истинного Бога. Но мы знаем, что говорил Христос в Ин.4:22, а именно: одни лишь иудеи придерживались тогда правильного способа поклонения. При этом Христос отверг все вымышленные культы, имевшие место у других народов. Итак, Павел опирается здесь не на голый авторитет

отцов, и ссылается не на каких угодно отцов, но опровергает ложное обвинение, которое, как он знал, на него возводили: якобы, он, оставив Бога Израиля, обратился к какому-то иному чуждому богу.

С чистой совестью. Не подлежит сомнению, что совесть Павла не всегда была чистой. Да и сам он признается, что раньше обманывался из-за лицемерия, давая себе свободу в недозволенных пожеланиях (Рим.7:8). То же, как фарисейство Павла извиняет Иоанн Златоуст, говоря, что Евангелие он преследовал не на злобе, а по незнанию, не вполне меня устраивает. Ибо похвала чистой совестью – весьма редкая вещь, и ее нельзя отделять от искреннего и подлинного страха Божия. Поэтому я ограничиваю сказанное только текущим моментом жизни Павла, а именно: он почитает того же самого Бога, Которого чтили его прадеды, но теперь почитает Его с чистым сердцем, начиная с того времени, как был просвещен Евангелием. И сюда же относятся те уверения Павла, о которых написано в Деян.24:14: служу отеческому Богу, веруя всему, что содержится в законе и пророках. А также в 26:6: и ныне стою перед судом из-за надежды на обетование, данное нашим отцам, исполнение которого желают все наши двенадцать колен. Также в 28:20: из-за надежды Израиля скован я этой цепью.

В молитвах моих днем и ночью. Отсюда явствует, какое усердие проявлял к молитве Павел. И однако же он говорит о себе лишь то, что Христос рекомендует делать всем Своим людям. Посему подобные примеры должны воодушевлять и воспламенять нас к подражанию, дабы это столь необходимое упражнение мы практиковали, по крайней мере, чаще, чем делаем это теперь. Если же кто-то подумает, что речь идет о длительных и ночных молитвах, которые Павел имел обыкновение совершать в определенные часы, то и в таком толковании не будет ничего глупого, хотя я понимаю сказанное проще, а именно: апостол молился всегда и во всякое время.

4) *Приводя на память.* Апостол превозносит веру бабки и матери Тимофея, а также веру его самого не столько ради похвалы, сколько с целью воодушевления. Ведь если кто-то хорошо начал какое-нибудь дело, успех непременно должен воодушевить его, а примеры его родственников – служить к еще большему воодушевлению. Поэтому Павел в качестве примера предлагает Тимофею его бабушку Лоиду и мать Евнику, которые так воспитывали его с младенчества, что он впитал в себя благочестие как бы с молоком матери. Итак, подобное благочестивое воспитание призывает Тимофея не отступать от самого себя и от своих предков. Но не ясно, обратились ли названные женщины ко Христу, положив начало восхваляемой Павлом веры, или же им приписывается вера, не связанная с христианской религией. Второе кажется мне более вероятным. Хотя в те времена все кишело разными видами порчи, у Господа всегда были люди, которым Он не позволял развратиться вместе с остальным народом и которых особо освящал для Себя, дабы среди иудеев всегда пребывал залог благодати, некогда обещанный семени Авраама. Итак, вовсе не абсурдна мысль, что эти женщины жили и умерли, веруя в Посредника, несмотря на то, что Христос им еще не открылся. И все же я не утверждаю здесь ничего определенного, коль скоро любое утверждение звучало бы весьма дерзко.

5) *Уверен.* Эта фраза подтверждает для меня сделанное ранее предположение. Ибо, на мой взгляд, Павел говорит не о вере, имевшейся у Тимофея на тот момент времени. Апостол принизил бы свою предыдущую похвалу вере, если бы сказал лишь то, что считает веру Тимофея равной вере его матери и бабки. Я понимаю сказанное иначе: Тимофей с самого детства, еще ничего не зная о Евангелии, настолько впитал в себя страх Божий и веру, что превратился как бы в живое семя, которое впоследствии проросло.

6. *По сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение; 7. ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия. 8. Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым силою Бога, 9. спасшего нас и призвавшего званием*

святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, 10. открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие, 11. для которого я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников. 12. По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день.

(6. По сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение; 7. ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и трезвости. 8. Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но будь участником страданий благовестия Христова силою Бога, 9. спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему намерению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, 10. открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие, 11. для которого я поставлен глашатаем и апостолом и учителем язычников. 12. По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день.)

6) По сей причине. Чем большей благодатью был наделен Тимофей, тем большее усердие, по словам Павла, он должен был проявлять к ежедневному преуспеванию. Ибо именно на это и указывает фраза «по сей причине». Это – весьма необходимое увещание. Ведь, обычно случается так – и это в некотором смысле для нас естественно – что обладание превосходными дарами Божиими рождает самоуспокоенность, к которой затем добавляется лень. Сатана постоянно стремится заглушить в нас все исходящее от Бога. Итак, нам следует изо всех сил этому противиться, отшлифовывать всякое начатое в нас добро и возгревать все, что пока в нас только теплится. Ведь использованная Павлом метафора почерпнута от действия огня. Когда он слаб, то потихоньку угасает, если его не раздувать и не подкладывать дрова, как бы придавая ему силы и жгучесть. Поэтому будем помнить о том, что дары Божии следует постоянно употреблять в деле, дабы они не заржавели от праздности. И не забудем также, что в них надо постоянно совершенствоваться, дабы они не заглохли от нашей вялости.

Который в тебе через мое рукоположение. Несомненно, что Тимофей был поставлен общим голосованием Церкви, а не частным решением одного лишь Павла. Но апостол вполне уместно приписывает избрание Тимофея лично себе, коль скоро именно он был его главным зачинателем. Хотя здесь Павел скорее говорит не об избрании, а об ординации, то есть, обряде торжественного поставления в служители. Но не вполне ясно следующее: когда кто-либо посвящался в служители, все ли обычно возлагали на него руки, или это делал кто-то один от имени всех остальных? Более вероятно, что руки возлагал один. Что же касается самого обряда, то апостолы заимствовали его из древнего обычая своего народа. Или, лучше сказать: они сохранили то, что уже было в употреблении. Это – часть того благоприличия, которое апостол хвалит в другом месте (1Кор.14:40). Хотя можно усомниться в том, что упоминаемое возложение рук относится именно к ординации. Ибо в то время еще существовали разные виды духовной благодати, о которых Павел говорит в Рим.12 и 1Кор.13, и которые через рукоположение давались многим, даже тем, кого не ординировали пастырями. Но, исходя из предыдущего послания апостола, я делаю вывод, что здесь идет речь именно о поставлении пастырей. Ведь этот отрывок вполне согласуется с другим: не нерадей о благодати, данной тебе с возложением рук пресвитерства.

Выяснив это, поставим следующий вопрос: давалась ли тогда благодать через использование внешнего знака? На этот вопрос я отвечаю, что всякий раз, когда поставлялись служители, они вверялись Богу молитвами всей Церкви. И в силу этого, а не могуществом какого-либо символа, им подавалась благодать. Хотя и символ употреблялся тогда не напрасно и не без пользы. Он был как бы знаком отличия, нелживо

свидетельствовавшим о благодати, которую поставляемый получал от Бога. Так что, данный обряд был не какой-то разновидностью мирской инаугурации, изобретенной лишь для авторитета в глазах людей, но законным посвящением перед Богом, совершаемым только силою Святого Духа. Кроме того, посредством символа Павел обозначает здесь саму изображаемую им вещь или действие. Он хочет сказать, что Тимофей, будучи предложен Богу в качестве кандидата в служители, был действительно наделен благодатью. Таким образом, в этом утверждении присутствует синекдоха.

Но здесь возникает новый вопрос. Ведь, если Тимофей только при ординации получил благодать, необходимую для своего служения, можно ли было избирать человека, еще не пригодного к служению и лишенного на тот момент дара Божия? Не подлежит сомнению, что Тимофей еще до того, как Павел посвятил его в служители, выделялся ученостью и другими нужными дарованиями. Но вовсе не глупо и то, что Бог, возжелав воспользоваться его трудами и призвав его именно с этой целью, еще больше усилил его готовность, или наделив новыми дарами, или умножив дары прежние. Итак, нельзя сказать, что ранее в Тимофее не было никакого дара. Скорее верно другое: его дарования еще больше заблистали тогда, когда на него было возложено учительское служение.

7) *Ибо дал нам Бог.* Это – подтверждение предыдущей фразы, посредством чего Павел продолжает воодушевлять Тимофея выказывать силу полученных им ранее даров. Он пользуется доводом, состоящим в том, что Бог управляет Своими служителями *Духом силы*, которая несовместима с *боязнью*. Отсюда следует, что нам надо не пребывать в праздности, а, обрета уверенность и окрыленность, выказывать и осуществлять эту духовную силу на практике.

На первый взгляд, этот отрывок напоминает место из Рим.8:15, однако контекст показывает, что смысл у него другой. В Послании к Римлянам апостол рассуждает об уверенности в усыновлении, которая имеется у всех верующих, теперь же он особо говорит о служителях и в лице Тимофея увещевает их усердно возгревать в себе мужество. Господь хочет, чтобы они непоколебимо стояли, уповая на действенность Духа, а не исполняли свое служение вяло и прохладно. Отсюда мы узнаем, что никому из нас не будут даны духовная возвышенность и непоколебимое постоянство, необходимые для нашего служения, доколе мы не получим с неба новую силу. Действительно, на нашем пути возникнет столько помех и препятствий, что их не будет способно одолеть никакое человеческое могущество. Поэтому Духом силы может наделить нас только Бог. Ведь те, кто в иных обстоятельствах кажутся сильными, тут же падают, как только их перестает поддерживать сила Духа Божия.

Далее, мы выводим, что все, в рабском смысле боязливые и забитые люди, нечего не смеющие сделать ради защиты истины, когда это нужно, ни в коем случае не управляются Духом, руководящим рабами Христовыми. Отсюда следует, что среди занимающих церковные должности сегодня очень мало тех, кто отличается признаком истинного служителя. Ибо сколько найдется людей, которые, уповая на силу Духа, стойко презирали бы всякое восстающее на Христа превозношение? Разве многие, даже почти все, не потакают собственной лени? Разве они не сникают и замолкают сразу же, как только что-то их пугает? Поэтому-то в их служении и не заметно никакого величия Божия.

Слово же «Дух», как и во многих других местах, употребляется здесь в переносном смысле. Но зачем апостолу добавлять про «любовь» и «трезвость»? На мой взгляд, для того, чтобы отделить силу Духа от неумности фанатиков, которые, кидаясь в разные стороны в своем необузданном порыве, тем не менее яростно претендуют на обладание Духом Божиим. Поэтому апостол особо подчеркивает: эта сила управляется трезвостью и любовью, то есть, спокойным стремлением к назиданию. Впрочем, Павел не отрицает, что и до провозглашения Евангелия учителя и пророки были наделены подобной силой. Он

лишь имеет в виду, что эта благодать должна еще больше усилиться теперь, во времена Христова Царства.

8) *Итак, не стыдись*. Апостол говорит про это, поскольку исповедание Евангелия было тогда чем-то позорным. Он велит, чтобы тщеславие или боязнь беславия не мешали Тимофею и не отваживали его от свободной проповеди Евангелия. И это – вывод из всего вышесказанного. Ибо тот, кто вооружен Божией силой, не страшится, когда на него негодует мир, но презрение нечестивых считает для себя славой.

Апостол заслуженно зовет Евангелие *свидетельством Господним*. Ибо Бог, вовсе не нуждаясь в нашей помощи, все же возлагает на нас служение свидетельствовать о Нем для умножения Собственной славы. Вот великая и особенная честь, которой Он удостоивает всех нас (потому что каждый христианин должен считать себя свидетелем Христовым), и, прежде всего, пастырей и учителей. Согласно тому, что говорил апостолам Христос (Деян.1:8): вы будете Мне свидетелями. Посему, чем более ненавистно миру евангельское учение, тем отважнее надлежит сражаться, отстаивая его подлинное исповедание. Добавляя же «ни меня», Павел увещевает Тимофея не отказываться быть его помощником в этом общем для всех деле. Ведь, если мы начинаем отдаляться от общения с теми, кто переносит гонения из-за имени Христова, что иное мы делаем, как не ищем Евангелия, свободного от всяких преследований? Однако, коль скоро многие нечестивые нападали тогда и на Тимофея и говорили: разве ты не видишь что произошло с твоим учителем? Разве не знаешь, что то же самое ожидает и тебя? Зачем ты навязываешь нам учение, которое гонит весь мир? – учитывая все это, была настоящая потребность в увещании, говорящем Тимофею: у тебя нет причин стыдиться там, где нет ничего постыдного. Ибо я, – утверждает Павел, – *узник Христов*, то есть, нахожусь в узах не из-за злодеяния или какого-либо преступления, а ради Его имени.

Но страдай (но будь участником страданий). Апостол говорит о том, когда именно исполнится то, что он заповедует. Для этого Тимофей должен подготовиться к перенесению страданий, неразрывно связанных с Евангелием. Ибо всякий боящийся нести свой крест и бегущий от него всегда будет стыдиться благовестия. Посему Павел вполне обоснованно, призывая уповать на евангельское исповедание, одновременно говорит и о несении креста, дабы этот призыв не оказался напрасным. Затем он добавляет «силою Божией», и делает это потому, что мы сразу же снижаем, если лишаемся Божией помощи. Эта фраза содержит как увещание, так и утешение. Увещание в том, чтобы Тимофей не смотрел на свою немощь, а, опираясь на помощь Божию, дерзал и усердствовал сверх собственных сил. Утешение же в том, что, если ради Евангелия нам приходится что-то терпеть, Бог станет нашим Избавителем, и силою Его мы в будущем одержим победу.

9) *Спасшего нас и т.д.* Ссылаясь на величие этого благодеяния, апостол показывает нам, сколь много мы обязаны Богу. Ибо спасение, которого Он нас удостоил, легко преодолагает все, что нам приходится терпеть в этом мире. Хотя глагол «спасать» или «сохранять» может нести и общий смысл, в данном контексте он, безусловно, относится к вечному спасению. Итак, апостол имеет в виду, что весьма неблагодарны те, кто, обретя через Христа не тленное, не преходящее, а вечное спасение, скорее предпочитает щадить свою мимолетную жизнь и мирскую репутацию, нежели признавать собственного Икупителя.

И запечатление спасения апостол видит в *призвании*. Подобно тому, как спасение людей совершилось посредством Христовой смерти, так и Бог делает нас его причастниками посредством благовестия. И это призвание называется здесь «святым» для еще большего усиления смысла. Но надо обратить особое внимание на следующее: как спасение надлежит искать только во Христе, так и, наоборот, Христос умер и воскрес бы напрасно, если бы не призвал нас к участию в этой благодати. Итак, после того, как Христос обрел

для нас спасение, Ему оставалось сделать следующее: привить нас к Собственному телу и передать нам в обладание все Свои блага.

Не по делам. Апостол говорит о том, откуда происходит как наше призвание, так и все наше спасение. Ибо у нас не было дел, которыми мы бы предварили Бога, но все зависит от Его незаслуженного нами избрания и намерения. В словах «намерение» и «благодать» присутствует гипаллага, и второе из них следует превратить в прилагательное. Тогда фраза будет читаться «по благодатному намерению». Ибо, хотя намерение Павел обычно понимает как таинственный замысел Божий, причина которого находится внутри Него Самого, ради большей ясности апостол добавляет слово «благодать», дабы еще недвусмысленнее исключить всякий учет дел. И сам антитезис достаточно ясно свидетельствует: там, где царит благодать Божия, нет места делам. Особенно, если подумать о избрании Божиим, предварившем даже наше рождение на свет. Об этом подробнее сказано в толковании на первую главу Послания к Ефесеям. Здесь же я лишь коротко затрагиваю то, о чем говорил там весьма пространно.

Данной нам. Ссылаясь на последовательность событий, апостол доказывает, что спасение, которое мы ничуть не заслужили, было, действительно, дано нам даром. Ведь, если Бог избрал нас до создания мира, Он не мог учитывать наши дела, которых не было так же, как не было нас самих. Увертка же софистов, состоящая в том, что Бог принял в расчет предвиденные Им дела, не нуждается в долгом опровержении. Ибо, какими могли быть наши будущие дела, если бы Бог решил пройти мимо нас, учитывая, что избрание само является источником и началом всякого блага? И дарование благодати, о которой упоминает апостол, есть не что иное, как предопределение, которым мы приняты в число детей Божиих.

По этому поводу я хотел бы предупредить читателей о следующем: часто говорится, что Бог дает нам благодать лишь тогда, когда в нас обнаруживается ее действие. Но здесь Павел рассуждает о том, что Бог постановил в Себе изначально. Итак, Он дал нам то, на что не был подвигнут никакими заслугами и что присвоил нам еще не рожденным. Он сохранял все это в Своей сокровищнице, доколе не явил на деле, что ничего не постановил напрасно.

«Вековыми временами» апостол называет здесь, как и в первой главе Послания к Титу, непрерывную череду лет, начавшуюся с сотворения мира. Ибо более утонченный смысл, который во многих местах рассматривает Августин, полностью чужд замысла Павла. Итак, смысл этой фразы следующий: еще до всех веков, прежде, чем потекло само время. Следует также отметить, что основание спасения апостол полагает во Христе. Ибо вне Него нет никого усыновления или избавления, о чем уже было сказано в толковании на первую главу Послания к Ефесеям.

10) *Открывшейся же ныне.* Заметь, как апостол уместно связывает веру, обретаемую нами через Евангелие, с таинственным избранием Божиим, расставляя все на свои места. Ныне Бог призывает нас через Евангелие. Но не потому, что замыслил наше спасение лишь недавно, а потому, что так постановил от самой вечности. Ныне для нашего спасения явился Христос. Но, опять же, не потому, что Ему лишь недавно была дарована сила спасать, а потому, что эта благодать была заложена в Нем еще до создания мира. И познание всего этого приходит к нам через веру. Таким образом, апостол разумно соединяет Евангелие с древнейшими обетованиями Божиими, не давая ему стать презиаемым из-за новизны.

Но спрашивается, разве благодать была сокрыта от отцов, живших во времена закона? Ведь, если благодать была явлена лишь с пришествием Христовым, из этого следует, что раньше она оставалась сокрытой. Отвечаю: Павел говорит здесь о полном откровении того, от чего зависела и вера древних отцов. Поэтому им ни в чем не причиняется несправедливость. Ибо Авель, Ной, Авраам, Моисей, Давид и все благочестивые обрели

вместе с нами спасение потому, что уповали на это откровение благодати. Итак, апостол, говоря, что благодать открылась нам с пришествием Христовым, не исключает участие в ней отцов, которых вместе с нами сделала причастниками этой благодати одна и та же вера. Христос вчера и сегодня один и тот же, но Он пришел не раньше установленного Отцом времени, явив Себя нам через смерть и воскресение. И, несмотря на это, как наша вера, так и вера отцов взирает и взирала на Него как на единственный залог и полноту человеческого спасения.

Разрушившего смерть. Приписав Евангелию явление жизни, апостол не намеревался поместить начало спасения в Слово, пропустив Христову смерть и воскресение, коль скоро Слово опирается на то, о чем оно повествует. Павел лишь хочет сказать, что плоды этой благодати приходят к людям не иначе, как посредством Евангелия. Согласно сказанному (2Кор.5:19): Бог был во Христе примиряющим мир с Собой и вверил нам слово примирения. И то, что Евангелие зовется явлением жизни, представляет для него великую и достопамятную похвалу.

К *жизни* апостол присоединяет *бессмертие* и как бы говорит об истинной и бессмертной жизни. Разве что под жизнью лучше понимать возрождение, за которым следует блаженное бессмертие, являющееся еще предметом нашей надежды. Действительно, наша жизнь состоит не в том, что мы имеем вместе с бессловесными скотами, а в причастности образу Божию. Поскольку же в этом мире не видно, в чем заключается или на что способна вышеупомянутая жизнь, апостол обоснованно, ради пояснения, соединяет с нею бессмертие, представляющее собой будущее откровение этой ныне сокрытой жизни.

11) *Для которого я поставлен.* Павел не напрасно столь сильно превозносит свое апостольство вместе с Евангелием Христовым. Ибо сатана больше всего стремится любым способом исторгнуть из наших душ веру в здоровое учение. Поскольку же ему не всегда легко нападать на нас открыто, он подкрадывается к нам посредством тайных и околичных уловок. И чтобы упразднить веру в учение, дьявол ставит под сомнение призвание благочестивых учителей. Поэтому Павел, видя перед собою смерть и прекрасно зная о старых и обычных кознях дьявола, хотел утвердить как евангельское учение в целом, так и свое призвание в частности, поскольку и то, и другое было совершенно необходимым. Действительно, как бы долго ни проповедовали нам о достоинстве Евангелия, это не принесет нам пользы, если мы не знаем, в чем оно состоит. Ибо многие согласятся с общим принципом, утверждающим за Евангелием незыблемый авторитет, но потом они уже не будут видеть ничего, чему могли бы следовать. Вот причина, по которой Павел в особенности желал, чтобы его признали верным и законным служителем упомянутого им животворящего учения.

Этим также объясняется, почему апостол, говоря об одном и том же, тем не менее, наделяет себя разными почетными титулами. Он называет себя *глашатаем*, задача которого – обнародовать постановления князей и магистратов. И для кого, по его словам, он поставлен в таком качестве? Для язычников. Ибо главный спор шел тогда именно о них. Иудеи отрицали, что обетования жизни относятся к кому-либо, кроме плотских детей Авраама. Поэтому, чтобы спасение язычников не ставилось под сомнение, апостол утверждает, что Бог особо послал его именно к этим людям.

12) *По сей причине я и страдаю так.* Хорошо известно, что ненависть иудеев к Павлу была вызвана, прежде всего, тем, что он делал Евангелие общим для них и язычников. Хотя фраза «по сей причине» относится ко всему контексту, и поэтому ее нельзя привязывать только к последней части предложения. Итак, чтобы его узы ни в чем не принижали его авторитет, апостол выдвигает два довода. Он показывает, что причина его заточения скорее умножает его славу, нежели навлекает позор, поскольку он скован не за какое-то злодеяние, а за следование призыву Божию. Невыразимое утешение – быть способным противопоставить суду неправедных людей добрую совесть. Кроме того,

основываясь на надежде благополучного исхода, апостол доказывает, что в его узах нет ничего постыдного. И всякий защищенный подобным образом сможет победить любые, сколь угодно сильные искушения. Отрицая же, что он *стыдится* уз, апостол своим примером воодушевляет проявлять такое же мужество и остальных.

Ибо я знаю, в Кого уверовал. Единственное пристанище, к которому должны прибегать все благочестивые всякий раз, когда мир считает их безнадежно осужденными: им следует довольствоваться одобрением со стороны Бога. В противном случае, каким будет их конец, если они станут зависеть от людей? И отсюда можно заключить, сколь сильно отличается вера от простого мнения. Ведь Павел, говоря: я знаю, в Кого уверовал, – имеет в виду, что вера самодостаточна лишь тогда, когда автором ее является Бог, и предмет веры не вызывает у тебя сомнений. Итак, вера не опирается на людской авторитет и не полагается на Бога, колеблясь и сомневаясь, но непременно должна быть соединена со знанием. Иначе вера оказалась бы слабой против бесчисленных нападков сатаны. И тот, у кого вместе с Павлом это знание является твердым, на собственном опыте почувствует, что вера не напрасно зовется победою над миром. И не напрасно сказано Христом (Мф.16:18): врата ада не одолеют ее. Среди всех бурь и невзгод спокойно устоит тот, кто твердо уверится в следующем: Бог, не способный ни лгать, ни обманываться, изрек Свое слово и без всякого сомнения предрешил сделать то, что обещал. И, наоборот, если эта истина для кого-то не будет незыблемой, он будет колебаться и дрожать, как тростник.

Поэтому данный отрывок достоин самого пристального внимания, поскольку наилучшим образом изъясняет нам силу веры, поучая нас тому, что в самых безнадежных ситуациях мы должны славить Бога, не сомневаясь, что Он всегда правдив и верен. Кроме того, согласно этому отрывку на Слово Божие следует полагаться так, словно Сам Бог является нам с неба. И тот, в ком нет подобного убеждения, ничем не обладает вовсе. Будем же всегда помнить, что Павел занимается здесь не призрачной философией, а, как бы присутствуя среди нас, искренне свидетельствует о том, на что способна уверенность в вечной жизни.

И уверен, что Он силен. Поскольку сила и многочисленность подстерегающих нас опасностей часто пугают нас или, по крайней мере, подталкивают нас к отчаянию, нам необходимо оградить себя этим щитом, а именно: мыслью о том, что сила Божия – вполне достаточная для нас защита. Подобно тому, как Христос, повелевая нам оставаться спокойными, пользуется следующим доводом: Отец, Который дал вас Мне, больше всех (Ин.10:29). Этим Он хочет сказать, что мы находимся вне опасности, коль скоро Господь, принявший нас под Свою опеку, преизбыточно силен нас защитить. Сатана не смеет прямо внушать нам мысль о том, что Бог не может исполнить обещанное или испытывает в этом препятствия (поскольку наш разум шарахается от подобной хулы на Бога), но, затуманивая нам очи и разум, пытается полностью лишить нас ощущения силы Божией. Итак, должна быть очищенной та душа, которая не только чувствует вкус этой силы, но и сохраняет его ощущение среди всевозможных искушений. Впрочем, всякий раз, когда Павел говорит о силе Божией, понимай ее, как действующую, или *ἐνεργουμένην*, как и сам он называет ее в Кол.1:29. Ибо вера всегда соединяет могущество Божие со Словом, которое мыслит не находящимся где-то вдали, а владеет им как чем-то сугубо внутренним. Так в Рим.4:20 об Аврааме сказано: не усомнился, не стал спорить, но воздал славу Богу, будучи твердо убежден, что Он силен исполнить обещанное.

Отметь также слово «залог», относящееся к вечной жизни. Из него мы выводим, что наше спасение находится в деснице Божией так же, как в руке держателя залога, – то, что вверено ему для сохранения. Ведь, если бы наше спасение зависело от нас самих, каким бы опасностям оно подвергалось! Теперь же воистину прекрасно, что, находясь в залоге у столь надежного стража, оно не подвержено никакому риску.

13. Держись образца здорового учения, которое ты слышал от меня, с верою и любовью во Христе Иисусе. 14. Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас. 15. Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. 16. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, 17. но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. 18. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь.

(13. Держись образца здоровых слов, которые ты слышал от меня, в вере и любви во Христе Иисусе. 14. Храни великий залог Духом Святым, живущим в нас. 15. Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. 16. Да даст Господь милость семье Онисифора за то, что он часто покоил меня и не стыдился уз моих, 17. но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. 18. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь.)

13) Держись образца. Я не принимаю толкования тех, кто понимает сказанное следующим образом: да будет твое учение как бы образцом, на который должны равняться все остальные. Не ближе к мысли апостола и толкование Златоуста: Тимофей из учения Павла должен почерпнуть образец добродетели и запечатлеть его в своем сердце. Мне кажется, что апостол скорее заповедует Тимофею крепко держаться преподанного учения не только в отношении его сути, но и в отношении самого способа изложения. Ибо **ὑποτύπωσις**, слово, употребленное здесь Павлом, означает ясное и живое изложение, как бы ставящее рассматриваемый предмет перед нашим взором. Павел знал, сколь часто люди отпадают или отклоняются от чистоты учения. По этой причине он предостерегает Тимофея, повелевая ему не отходить от воспринятого им образца учения и учить именно тем способом, какой ему заповедан. И не потому, что такого благоговения достойны сами слова, а потому, что даже малейшее искажение учения приносит огромный вред.

Отсюда явствует, какое богословие имеется сейчас в папстве. Оно до такой степени отошло от рекомендуемого Павлом образца, что скорее похоже на гадание авгуров и гаруспиков, нежели на почерпнутое от Бога учение. Что общего с Павлом, спрашиваю я, имеют все книги схоластов? И подобная разнузданность в искажении учения показывает, сколь обоснованно Павел призывает Тимофея держаться первоначального образца.

Здоровые слова апостол противопоставляет не только нечестивым догматам, но и всем пустым исследованиям, вместо здоровья приносящим с собой одну болезнь.

С верою и любовью (в вере и любви). Знаю, что в еврейском языке предлог **עִם** часто употребляется вместо предлога «с». Но здесь, мне кажется, у него несколько иное значение. Павел приписывает здоровому учению некий признак, дабы мы знали, что в нем содержится, и какова его суть. И эту суть он полностью заключает в вере и любви. Причем, и вера, и любовь разумеются здесь во Христе Иисусе, поскольку именно в этих двух вещах и заключается, безусловно, Его познание. Хотя артикль стоит здесь в единственном числе и согласуется с существительным «любовь», его надо относить также и к вере. Переводящие же фразу «с верою и любовью» подразумевают иной смысл: со здоровым учением Тимофей должен соединить стремление к благочестию и любви. Я согласен с тем, что никто не может верно придерживаться здорового учения, если не наделен верою и искренней любовью. Однако первое толкование (на мой взгляд) подходит лучше. Павел как бы объясняет сам себя и уточняет, о каких именно словах идет речь, и на что они опираются. Он говорит, что их итог заключается в вере и любви, источник и начало которых – знание Иисуса Христа.

14) Храни добрый залог (великий залог). Это увещание несет довольно широкий смысл. Павел призывает Тимофея всегда помнить о том, что дано ему Богом, и прилагать тем большее усердие и прилежание, чем драгоценнее вверенный ему залог. Ведь неразумно было бы относиться столь внимательно к чему-то обычному и распространенному. Под

«залогом» же я понимаю как достоинство служения, так и все дары, коими был наделен Тимофей. Другие относят сказанное только к учению. Но, на мой взгляд, здесь имеется в виду нечто большее учения, а именно: все отличавшие Тимофея духовные дарования. Слово «залог» Павел использует и с иной целью: он хочет напомнить Тимофею о том, что в свое время ему предстоит дать отчет. Ибо все, вверенное нам от Бога, следует сохранять и умножать самым добросовестным образом. *Τὸ καλὸν* же означает здесь нечто великое и выдающееся. Поэтому Эразм вполне уместно перевел данное слово, как «великий», дабы подчеркнуть превосходство вышеупомянутого залога. И я с готовностью следую его переводу.

Но спрашивается: каким образом надо хранить этот залог? Так, чтобы наша бездейственность не погубила дарованное нам Богом, и чтобы оно не было отнято у нас из-за нашей неблагодарности и злоупотребления. Ибо многие отвергают благодать Божию, и многие, получив благодать, впоследствии ее себя лишают. Однако поскольку сохранение ее по своей трудности превосходит наши силы, апостол добавляет фразу «Святым Духом». Он как бы говорит: я не требую от тебя больше того, чем ты можешь сделать. Ведь на то, что ты не можешь сделать сам, достаточен Божий Дух. Отсюда следует, что заповеди Божии не следует соизмерять с человеческими силами. Ибо, Бог, повелевая их нам на словах, одновременно пишет их в нашем сердце и, подавая нам силы, делает так, чтобы повеления Его не оказались напрасными. Следующая же фраза про *обитание в нас* Духа означает Его непрерывную помощь верующим, если они сами не отвергают ее, когда она им предлагается.

15) *Ты знаешь, что.* Упомянутые Павлом отпадения могли бы смутить многих и одновременно породить множество подозрений. Ведь мы имеем обыкновение все истолковывать в дурном смысле. И Павел с героическим мужеством упреждает подобный соблазн, чтобы все добрые научились осуждать вероломство тех, кто столь позорно покинул раба Христова в то время, когда он в одиночку, подвергая свою жизнь опасности, стоял за общее дело. Апостол также хочет, чтобы добрые не дрожали и понимали, что он никогда не был лишен помощи Божией. Апостол упоминает двоих людей, которые, вероятно, были известнее всех прочих, чтобы тем самым преградить дорогу их клевете. Ведь для перебежчиков и дезертиров христианского воинства вполне привычно придумывать какие угодно обвинения против верных и испытанных евангельских служителей, чтобы оправдать собственный позор. Фигелл и Ермоген, зная, что собственная трусость может заслуженно обесславить их перед верующими и подвергнуть их осуждению за вероломство, без колебаний распространяли о Павле ложные слухи и бесстыдно порочили его невинность. Поэтому Павел, чтобы никто не поверил их лжи, ставит на них вполне заслуженное клеймо.

Так и сегодня многие, будучи не допущены до служения или потому, что отреклись от него по собственной подлости, или потому, что были уволены из-за своей праздности, или потому, что были виновны в блуде или краже, рыскают по всей Франции и другим странам, возводя на нас всевозможные обвинения в попытке доказать свою невинность. А некоторые братья неопытны настолько, что готовы обвинять нас в жестокости, если кто-то из нас скажет об этих людях правду и представит их в истинном свете. Так что надо желать, чтобы все подобные люди как бы носили клеймо на собственном лбу, дабы их могли распознать при самой первой встрече.

16) *Да даст Господь милость.* Из этой молитвы мы выводим, что оказанные святым услуги не останутся без награды, даже если сами они и не в состоянии достойно за них отблагодарить. Ибо молитва Богу об оказании милости имеет здесь силу обетования. Одновременно Павел демонстрирует свою благодарность, поскольку, будучи не в силах вознаградить их сам, с готовностью передает эту обязанность Богу. Ну а что, если бы у Павла была возможность отплатить добром? В этом случае, он самими делами засвидетельствовал бы, насколько благодарен этим людям.

Далее, следует отметить, что, хваля благодетельность только одного Онисифора, апостол, тем не менее, молится о благе для всей его семьи. Отсюда вывод: благословение Божие почивает не только на самом праведном, но и на всем его доме. Ибо любовь Божия к Своим столь велика, что распространяется на всех связанных с ними людей. Фраза же о том, что Онисифор не стыдился его уз, говорит не только о щедрости этого человека, но и о его рвении, ибо он, помогая Павлу, добровольно подверг себя опасности и риску бесславия.

18) *Да даст ему Господь обрести.* Некоторые толкуют сказанное так: да даст ему Бог обрести милость перед Христом Судьей. Действительно, это более терпимо, чем место из Моисея (Быт.19:24): пролил Господь дождь от Господа, – истолковывать в том смысле, что Отец послал дождь от Сына. И все же возможно, что к излишнему повтору Павла, как обычно бывает, подтолкнула пламенность его чувств. Его молитва научает нас, сколь более богатая награда ожидает тех, кто служит святым без надежды на земное вознаграждение, нежели тех, кто получает это вознаграждение из людских рук. О чем молится Павел? О том, чтобы Онисифор обрел милость. Ибо к тому, кто был милосерд к ближним, будет милосерд и Сам Бог. И если это обетование не подвигнет нас к благотворительности, мы проявим совершенно недопустимую глупость. Отсюда также следует, что Бог вознаграждает наши заслуги не по их достоинству. Самым восхитительным и превосходным является здесь то, что Бог вознаграждает нас постольку, поскольку прощает, и выказывает Себя не столько суровым Судьей, сколько милостивым и снисходительным Отцом.

Глава 2

1. Итак укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом, 2. и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить. 3. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. 4. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. 5. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться. 6. Трудящемуся земледельцу первому должно вкушать от плодов. 7. Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем.

(1. Итак будь крепким, сын мой, в благодати, которая во Христе Иисусе, 2. и что слышал от меня через многих свидетелей, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить. 3. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. 4. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. 5. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться. 6. Прежде, чем пожать плоды, земледельцу надлежит потрудиться. 7. Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем.)

1) *Итак.* Подобно тому, как раньше апостол велел Тимофею хранить Духом залог веры, так и теперь он заповедует ему укрепляться в благодати. Ибо плоть ленива до такой степени, что даже люди выдающихся способностей устают в середине пути, если их постоянно не подбадривать. Кто-то скажет: зачем увещевать человека *быть крепким в благодати*, если свободная воля не играет никакой роли в сотрудничестве с нею? Отвечаю: то, что Бог требует от нас в Своем Слове, Он Сам же дарует нам через Свой Дух, дабы мы укреплялись в ниспосланной нам благодати. И, несмотря на это, увещевания отнюдь не излишни, поскольку Дух Божий, научающий нас изнутри, заставляет эти увещевания не напрасно звучать в наших ушах. Итак, всякий признающий, что произнесенное апостолом увещевание могло принести свои плоды только таинственной силой Духа, никогда не будет с помощью этого увещевания утверждать свободную волю.

Фразу «во Христе Иисусе» апостол добавляет по двум причинам. Он хочет научить нас, что благодать происходит от одного только Христа, и что благодать эта будет пребывать с

каждым христианином. Коль скоро Христос – общий для всех, отсюда следует, что все являются причастниками Его благодати, которая потому называется пребывающей во Христе, что ею должны обладать все принадлежащие Христу люди.

Ласковое же обращение «сын», которым пользуется апостол, способно вызвать благоволение к говорящему, дабы учение его еще глубже проникло в душу.

2) *И что слышал от меня.* Апостол снова показывает, сколь сильно обеспокоен доведением своего учения до сведения потомков. Он увещевает Тимофея не только, как и прежде, сохранять его суть и способ изложения, но и передать его как бы из рук в руки благочестивым учителям, дабы оно после повсеместного сеяния пустило корни в душах многих. Павел понимал, что учение быстро исчезнет, если его своевременно не распространять с помощью церковного служения. И, действительно, мы знаем, что именно вскоре после смерти апостолов сделал сатана. Он внушил людям бесчисленные безумства, чудовищная глупость которых превышала все суеверия язычников, и сделал это с такой легкостью, как будто проповедь Евангелия была уже похороненной много столетий. Итак, не удивительно, что Павел, с целью упредить подобное зло, усердно желает, чтобы учение его находилось в руках благочестивых служителей, способных передать его другим. Он как бы говорит: постарайся, чтобы после моей смерти проповедь учения моего осталась неповрежденной. А это произойдет, если то, чему ты от меня научился, ты не только будешь добросовестно преподавать сам, но и постарайся распространить еще шире через других людей. Поэтому передай этот залог веры всем, кого найдешь пригодным к этому делу. И, говоря о *верных людях*, апостол имеет в виду не веру, которая обща всем христианам, но веру особую, обладание которой делает человека выдающимся.

Слово «верный» можно было бы перевести и как «добросовестный», поскольку весьма немногие искренне стараются сохранить вверенное им приснопамятное учение. Одними руководит многообразное тщеславие, другими – алчность, третьими – злоба, четвертых удерживает страх перед опасностями. Поэтому в этом деле требуется особенная, весьма великая добросовестность.

При многих свидетелях (через многих свидетелей). Апостол не имеет в виду, что вызывал ради Тимофея свидетелей путем какого-то торжественного обряда. Но, поскольку некоторые могли бы возбудить спор по поводу того, от Павла ли исходит то, чему учит Тимофей, или он придумал все это сам, апостол устраняет всякое сомнение на том основании, что говорил Тимофею не тайно и не в укромном месте. Еще были живы многие, кто мог засвидетельствовать: Тимофей проповедует лишь то, что и сам услышал из уст Павла. Поэтому учение Тимофея будет вне подозрений, коль скоро у него есть множество свидетельствующих в его пользу соучеников. Отсюда мы узнаем, сколь усердно должен трудиться служитель Христов ради сохранения чистоты учения, и забота его должна не ограничиваться временем его жизни, но простираться как можно дальше.

3) *Итак переноси страдания.* Добавить это второе увещание апостола заставила жесткая необходимость. Ибо служителям Христовым надлежит приготовить себя к перенесению скорбей. Поэтому без претерпевания злоключений не может быть стойкости. И апостол добавляет: «как добрый воин Христов», – подчеркивая этим, что все служащие Христу состоят на воинской службе, но воинствование их заключается не в нанесении другим зла, а в его претерпевании от других. Так вот, нам крайне необходимо постоянно размышлять об этом предмете. Мы видим, как каждый день складывают оружие многие из тех, кто до этого претендовал на незнамо какое величие. Почему это происходит? Потому, что эти люди не привыкли нести крест. Во-первых, их изнеженность такова, что они ужасаются всякого ратоборства. А во-вторых, воинствуют они лишь в том только смысле, что с великой свирепостью нападают на своих противников, но при этом не хотят научиться проявлять терпение и держать себя в руках.

4) *Никакой воин*. Апостол продолжает развивать уже приведенное сравнение с воинской службой. Хотя, строго говоря, о войне Христовом апостол рассуждал прежде в смысле переносном. Сейчас же он сравнивает мирское воинствование с воинствованием духовным и христианским. Он имеет в виду следующее: основа воинской службы заключается в том, что как только воин, оставив дом и все прочие заботы, поступил на службу императору, он должен думать только о войне. Поэтому, чтобы мы были полностью привержены Христу, нам всем надлежит избавиться от всех помех со стороны мира. Под *житейскими делами* апостол разумеет заботу о семье и повседневные людские занятия. Так деревенские жители оставляют земледелие, а торговцы – торговлю и таверны, доколе не отработают свою плату. А теперь это сравнение надо приложить к обсуждаемому вопросу: всякий желающий воинствовать под знаменами Христа должен, оставив все мирские обольщения и препоны, посвятить Ему и себя самого и все свои дела. Кроме того, не будем забывать о древнем изречении: делай сие. Ее смысл в том, что священное служение надо совершать с таким усердием, чтобы наше старание и внимание ничто не отвлекало. Обычное же чтение этого отрывка: никакой воин Божий и т.д., – полностью искажает его смысл.

Далее, в лице Тимофея апостол обращается ко всем церковным пастырям. Его утверждение звучит обобщенно, но особенно относится к служителям Слова. Итак, пусть они, прежде всего, поймут, что именно чуждо их служению, дабы избавиться от этого и уверенно следовать за Христом. Кроме того, пусть и другие, каждый в своем чине, поймут, что именно отвлекает их от Христа, дабы этот Небесный Император имел над нами не меньше прав, чем какой-то смертный человек – над солдатами, присягнувшими его имени.

5) *Если же кто и подвизается*. Теперь апостол говорит о стойкости, дабы кто-то не подумал, что достаточно претерпеть скорбь один или два раза. Сравнение Павел заимствует здесь у атлетов, из которых получает награду лишь тот, кто устоял до самого конца. Так сказано и в Первом Послании к Коринфянам 9:24: все бегут на ристалище, но увенчивается только один; бегите же так, чтобы увенчаться. Поэтому, если кто-то, устав после первого сражения, тут же покинет поле брани и пойдет отдыхать, он скорее будет осужден за бездействие, нежели получит венец. И коль скоро Христос велит нам сражаться всю жизнь, поникший в середине пути лишит себя чести и награды, даже если начал весьма хорошо.

Законно подвизаться означает здесь вести брань так и столь долго, как и сколь долго это предписывает делать закон, дабы никто преждевременно не прекращал сражаться.

6) *Трудящемуся земледельцу первому должно (земледельцу надлежит потрудиться)*. Мне известно, что другие переводят это место иначе. Признаю, что эти люди дословно передают сказанное Павлом. Но всякий прилежно обдумавший контекст фразы непременно со мной согласится. Кроме того, хорошо известно, что греки используют перифраз и вместо «трудиться» ставят слово «трудящийся», часто понимая причастие в смысле инфинитива. Итак, смысл заключается в следующем: земледелец соберет плоды не ранее, чем попотеет, возделывая землю и засевая ее. И если земледельцы упорно трудятся ради будущего урожая и терпеливо ожидают времени жатвы, то сколь более глупо избегать того труда, который поручил нам Христос, предложив великое вознаграждение?

7) *Разумей, что я говорю*. Апостол добавляет сказанное не по причине неясности приведенных им сравнений, а с целью внушить Тимофею мысль о том, сколь превосходно сражаться под руководством Христовым и сколь великая полагается за это награда. Ведь мы едва постигаем это даже после долгого размышления. Следующая же молитва добавлена с целью уточнения. Коль скоро наш разум не возвышается до понимания нетленного венца грядущей жизни, Павел прибегает к Богу, дабы Тот дал Тимофею

разумение. Отсюда мы выводим, что нас будут так же напрасно учить, если Господь не отверзнет наш разум, как будут напрасно заповедовать, если Он не даст силы исполнить заповеди. Ибо кто мог учить лучше Павла? И все же, чтобы поучать с успехом, апостол испрашивает своему ученику наставление от Бога.

8. Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, 9. за которое я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз. 10. Посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе с вечною славою. 11. Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; 12. если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; 13. если мы неверны, Он пребывает верным, ибо Себя отречься не может.

(8. Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, 9. за которое я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз. 10. Посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе с вечною славою. 11. Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и будем жить; 12. если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; 13. если мы неверны, Он пребывает верным: Себя отречься не может.)

8) *Помни Господа Иисуса.* Здесь апостол излагает ту часть своего учения, которую в особенности желал передать потомкам целостной и неповрежденной. Вероятно, что он говорил именно о том, о чем беспокоился больше всего. И это будет ясно из того, что апостол вскоре скажет о заблуждении Именея и Филита. Эти люди отрицали воскресение, надежный залог которого содержится в нашем исповедании. Они же лгали, будто оно уже произошло. Впрочем, древняя история показывает, сколь необходимым было это увещание Павла. Ведь сатана прибег ко всевозможным козням, чтобы уничтожить христианскую веру. Поскольку в ней есть два главных артикула о Христе, рожденном от семени Давида, и о воскресении Его из мертвых, тут же после смерти апостолов возник Маркион, попытавшийся упразднить истинную человеческую природу во Христе. За ним последовали манихеи. Да и сегодня эта зараза повсюду распространена. Итак, сколь многие пытались поколебать надежду на воскресение и к каким только уловкам для этого ни прибегали! Поэтому увещание Павла означает то же, как если бы он сказал: чтобы никто не исказил мое Евангелие клеветой и не подменил его, знайте, я учил и проповедовал именно так: Христос, рожденный человеком от семени Давидова, воскрес из мертвых.

Евангелие же апостол называет своим для того, чтобы объявить себя не его автором, а его служителем. К тому же в воскресении Христовом также содержится надежный залог и нашего собственного воскресения. Поэтому тот, кто исповедует воскресение Христово, то же самое утверждает и в отношении нашего, поскольку Христос воскрес для нас, а не для Себя. Ведь Главу нельзя отделять от ее членов. Кроме того, в воскресении Христовом содержится завершение нашего искупления и спасения. Ибо с воскресением соединена и смерть.

Итак, Христос, претерпев смерть, воскрес. Но зачем, и для какой цели? Для ответа надо обратиться к нам самим, и станут явными сила и плод того и другого, а именно: воскресения и смерти. Ибо надо придерживаться следующего принципа: у Писания нет обыкновения говорить о таких вещах лишь повествовательно и отстраненно, оно всегда имеет в виду какой-то обретаемый нами плод.

От семени Давидова. Эта фраза не только утверждает истинную человеческую природу во Христе, но и отстаивает за Ним честь и титул Мессии. Еретики отрицают, что Христос был истинным человеком. Одни воображают, что Он принес плоть с неба, другие – что только явился в человеческом облике. Павел же, напротив, провозглашает, что Христос произошел от семени Давида. И без сомнения посредством этого объявляет Его истинным

человеком, рожденным также от человека, а именно – от Марии. И чем больше еретики стараются поколебать столь ясное свидетельство, тем больше выдают они свое бесстыдство. Иудеи и другие враги Христовы отрицают, что Он именно Тот, о Ком когда-то давалось обетование. Но Павел утверждает, что Христос – Сын Давида и происходит из той семьи, из которой надлежало произойти Мессии.

9) *За которое я страдаю.* Здесь присутствует упреждение. Ибо узы апостола в глазах неопытных делали его Евангелие недостоверным. Поэтому он признается, что внешне скован узами подобному какому-то преступнику, но добавляет: узы его не мешают благовестию продвигаться полным ходом. Больше того, для избранных его страдания спасительны, поскольку способны укрепить их в вере. Таково непобедимое мужество мучеников Христовых: осознание того, что они выступают за правое дело, возвышает их над миром, и они свысока презирают не только телесные страдания и муки, но любой навлекаемый на них позор. Больше того, подобная мысль должна укреплять всех благочестивых, видящих, как оскорбительно обращаются с евангельскими служителями их противники, дабы из-за этого они не думали менее уважительно об их учении, но прославили Бога, силою Которого, как они видят, это учение преодолевает все мирские преграды. Действительно, если бы мы не были чрезмерно плотскими, то в любых гонениях вполне довольствовались бы следующим утешением: хотя нечестивые пытаются задавить нас своей яростью, благовестие, несмотря на это, распространяется все шире и шире. И все их потуги не только не угашают евангельский свет, но и заставляют его светить еще ярче. Итак, будем же охотно, или, по крайней мере, спокойно терпеть свои телесные узы и бесславие, лишь бы восторжествовала истина Божия, разливая себя вширь и вдале.

10) *Посему я все терплю.* Апостол показывает, что в его узах нет ничего позорного, ссылаясь на их результат, а именно, на ту пользу, которую они приносят избранным. И слова о том, что он *терпит ради избранных*, доказывают, что назидание Церкви апостол ценил больше собственного удобства. Ибо он готов не только умереть, но и считаться преступником, чтобы помочь спасению Церкви. Впрочем, Павел учит здесь тому же, что и в Кол.1:24, где он говорит, что восполнил недостаток страданий Христовых за тело Его, Которое есть Церковь. И сказанное в достаточной мере опровергает бесстыдство папистов, выводящих отсюда, будто смерть Павла была удовлетворением за наши грехи. Как будто Павел приписывает своей смерти что-то иное, кроме будущего утверждения благочестивых в вере. Ибо вскоре он пояснит, что видит спасение верующих в одной лишь Христовой смерти. Тот же, кто хочет узнать больше, пусть прочтет процитированную нами главу Послания к Колоссянам.

С вечною славою. Такова цель спасения, которое мы обретаем через Христа. Ибо спасение наше означает жизнь для Бога, которая начинается с нашего возрождения и завершается полным избавлением, когда Бог унесет нас прочь от скорбей смертной жизни и соберет в Свое Царство. И к этому спасению добавляется участие в небесной, а значит, и в Божией славе. Поэтому апостол, дабы еще больше возвеличить Христову благодать, соединяет со спасением вечную славу.

11) *Верно слово.* Апостол делает вступление к речи, которую он вскоре произнесет. Ибо плотскому разуму больше всего чужда мысль о том, что для жизни надо умереть, и что смерть открывает нам доступ к жизни. Из других отрывков можно заключить, что Павел обычно пользовался подобным вступлением, говоря о весьма серьезных и трудных для веры предметах. Итог же заключается в следующем: участниками жизни и славы Христовой мы станем только в том случае, если прежде умрем с Ним и подвергнемся уничтожению. Как говорит апостол в Рим.8:29: все избранные предопределены уподобиться Его образу. И это сказано как для увещания, так и для утешения верующих. Ибо кто, ободрившись сказанным, не поймет, что скорби, у которых будет столь счастливый исход, надо переносить без всякой тягости? И то же самое соображение

делает сладкой и смягчает всю содержащуюся в кресте горечь. Ибо нас не должны ужасать ни страдания, ни мучения, ни поношения, ни смерть, соединяющие нас со Христом. Особенно, поскольку все это – прелюдия нашего триумфа.

Итак, Павел своим примером воодушевляет всех благочестивых с радостью принимать все скорби во имя Христа, в которых они уже некоторым образом вкушают будущую славу. И если разум наш ужасается всему этому, если вид креста пугает нас до такой степени, что мы уже не можем думать о Христе, будем помнить о том, что «верно слово», и пользоваться этой фразой, как щитом. И действительно, там, где присутствует Христос, мы должны видеть жизнь и счастье. Поэтому следует мертвой хваткой держаться за общение с Ним. За то, что умираем мы не сами по себе, а со Христом, дабы впоследствии иметь с Ним общую жизнь, за то, что страдаем со Христом, дабы стать причастниками Его славы. Впрочем, под смертью апостол имеет в виду все внешнее умерщвление плоти, о котором говорит во Втором Послании к Коринфянам, 4:10.

12) *Если отречемся.* Чтобы страхнуть с нас вялость, апостол добавляет угрозу. Он говорит, что ничего общего не имеют со Христом те, кто, испугавшись гонений, отказывается исповедовать Его имя. Ибо сколь позорно тленную жизнь в этом мире ценить больше, чем священное имя Сына Божия! И с какой стати Христос будет считать Своими тех, кто вероломно Его отвергает? Здесь никак нельзя оправдываться немощью. Ведь, если бы люди добровольно не обманывали себя суетной лестью, они бы стойко сопротивлялись невзгодам, наделенные духом мужества. То же, что они преступно отрицают Христа, происходит не от немощи, а от неверия. Ибо, обольстившись приманками мира сего, они уже не видят жизни в Царстве Божием. И здесь следует не столько объяснять учение, сколько над ним размыслить. Ибо слова Христовы: кто отречется от Меня, отрекусь от него и Я (Мф.10:33), – совершенно ясны. Остается, чтобы каждый понял сам для себя, что это – не детская угроза, а серьезное предупреждение Судьи, истинность которого обнаружится в свое время.

Следующие же слова о том, что Бог *остается верным*, даже если мы не верны, надо понимать в том смысле, что наше вероломство нисколько не умаляет Сына Божия и Его славу. Ибо Он, довольствуясь Самим Собой, не нуждается в нашем исповедании. Апостол как бы говорит: пусть покинут Христа, кто этого желает, они ничего у Него не отнимут. Христос останется при Своем, в то время как они погибнут. Хотя апостол говорит здесь и нечто большее, а именно: Христос вовсе не подобен нам, чтобы отрекаться от Своей истины. Отсюда явствует, что всякий, отрекающийся от Христа, тем самым становится Ему чуждым. Таким образом, апостол лишает нечестивых отступников успокаивающей их мысли. Ведь они, будучи многолики сами, охотно воображают многоликим и изменчивым Иисуса Христа. И Павел отрицает, что такое возможно. Между тем, следует твердо помнить сказанное мною ранее: наша вера для того основана на вечной и непоколебимой истине Христовой, чтобы не колебаться от людского непостоянства и отступничества.

14. Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих. 15. Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины. 16. А непотребного пустословия удайся; ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, 17. и слово их, как рак, будет распространяться. Таковы Именей и Филит, 18. которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру.

(14. Сему увещевай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения не к пользе, а к расстройству слушающих. 15. Старайся представить себя Богу испытанным, делателем нестыдящимся, правильно разделяющим слово истины. 16. А непотребного пустословия удайся. Ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, 17. и слово их, как гангрена,

найдет питательную почву. Таковы Именей и Филит, 18. которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру.)

14) *Сие напоминай (сему увещевай)*. На слово «сие» здесь падает ударение. Апостол хочет сказать следующее: изложенная им суть Евангелия и добавленные увещевания столь важны, что добрый служитель никогда не должен утомляться от их внушения другим. Они достойны постоянного размышления над собой, и напоминание их не может оказаться излишним. И я хочу, – говорит апостол, – чтобы ты постарался не только единожды преподать, но и часто внушать эти истины. Ибо добрый учитель должен думать только о назидании и настаивать только на нем одном. И, наоборот, ему надлежит не только самому воздерживаться от отвлеченных вопросов, но и запрещать заниматься ими остальным.

Λογολαχίῃν означает предаваться любопытным спорам, которые порождает стремление к утонченному остроумию. Фраза же «заклиная перед Господом» помещена для устрашения. И из подобной строгости мы выводим, сколь опасно для Церкви драчливое и кичащееся знание, то есть, такое, которое, отбросив благочестие, стремится к одной лишь мишуре. Но таково все спекулятивное (как его называют) богословие папистов.

Нимало не служит к пользе (не к пользе). **Λογολαχίαν** апостол осуждает на двух основаниях: она лишена плода, и она весьма вредна, вводя в соблазн немощных. Хотя в самом переводе я последовал Эразму, поскольку он никак не расходится с мыслью апостола, все же хочу предупредить читателей: слова Павла надо понимать так, что словопрение вовсе ни для чего не полезно. Ибо по-гречески он говорит: **εἰς οὐδὲν χηρέεσσιον**. И это **χηρέεσσιον** я читаю в именительном, а не в винительном падеже. Действительно, в этом случае речь будет звучать лучше. Апостол как бы говорит: зачем словопрения, если от них нет никакой пользы, но происходит много зла? Ибо из-за них терпит крах вера многих.

Отметим, во-первых, что всякое учение достойно отвержения уже потому, что не приносит никакой пользы. Ведь Бог хочет наставлять нас с пользою, а не потакать нашему любопытству. Итак, пусть исчезнут и распрощаются с нами все умствования, не приносящие никакого назидания. Но еще хуже случай, при котором уже и так бесполезные вопросы поднимаются *к расстройству слушающих*. О, если бы задумались над этим те, кто всегда готов к словесным баталиям, и даже больше: хватается за любой вопрос для возбуждения спора, придираясь к отдельным словам или буквам. Но порой тщеславие заводит их и дальше, превращаясь в какую-то смертельную болезнь, что я видел на примере некоторых. Истинности же того, что апостол говорит о разрушении веры, учит нас сам повседневный опыт. Ведь вполне естественно, что в распрях теряется истина, да и сатана использует наши раздоры для смущения немощных и изничтожения их веры.

15) *Старайся*. Поскольку все распри по поводу учения рождаются из того источника, что способные люди желают отстоять свой авторитет в глазах мира, Павел противопоставляет этому самое лучшее и подходящее средство, предписывая Тимофею всегда и во всем взирать на Бога. Он как бы говорит: другие стремятся к театральной славе, ты же старайся угодить собой и своим служением Богу. Действительно, тщеславное желание выделиться больше всего сдерживается мыслью о том, что дело мы имеем с Самим Богом.

Не возражая против перевода Эразмом слова **ἀνεπαίσχυντον** как «непостыжаемым», я все же предпочел перевести его в активном залоге – «нестыдящимся», поскольку этот смысл более распространен у греков и, кажется, лучше подходит к настоящему отрывку. Ведь здесь подразумевается антитезис: те, кто смущают Церковь распрями, потому столь горячи и неумны, что им стыдно оказаться побежденными и что-либо незнающими. Павел же, напротив, призывает нас подумать о суде Божиим. Прежде всего, он велит нам

быть не праздными спорщиками, а *делателями*. И этим словом апостол косвенно порицает глупость тех, кто мучает себя, ничего при этом не делая. Итак, да будем делателями, трудящимися для назидания Церкви и прилагающими силы для служения Богу так, чтобы из этого происходил какой-то плод. Тогда у нас не будет причин стыдиться. Ибо, хотя мы можем победить болтливых бахвалов и посредством споров, нам все же достаточно побеждать их усердием, трудолюбием, мужеством и действенностью учения. В итоге, апостол велит Тимофею упорно трудиться, дабы не стыдиться перед Богом, в то время как тщеславные боятся лишь одного стыда – лишиться славы остроумного и постигшего тайны человека.

Верно преподающим (правильно разделяющим). Красивая метафора, умно указующая на главную цель служения. Ведь, коль скоро нам надо довольствоваться только Словом Божиим, зачем еще ежедневные проповеди и само служение пастырей? Разве Писание не выставлено на обозрение всех? Но Павел приписывает учителям роль раздавателей, и уподобляет их отцам, которые, кормя детей, раздают им порезанный на кусочки хлеб. Он расхваливает перед Тимофеем правильное разделение учения, дабы он, подобно глупцам, не занимался разрезанием корки, оставляя незатронутой саму сердцевину. Хотя под этими словами я понимаю в целом благоразумное раздаяние Слова, правильно приспособленное к способностям слушателей. Ибо одни калечат Слово, другие разрывают его на части, третьи искажают, четвертые размежевывают, а пятые, как я говорил, привязываясь к его оболочке, не постигают саму его суть. И всем подобным порокам противопоставляется правильное разделение, то есть способ объяснения, способствующий назиданию. Ибо это – как бы правило, с которым надлежит соотносить всякое толкование Писания.

16) *А непотребного пустословия*. В толковании на последнюю главу предыдущего Послания я уже говорил, что думаю об этих словах. И к этому толкованию я отсылаю читателей. Чтобы еще больше отвести Тимофея от мирской и шумной болтливости, апостол учит, что она – некий лабиринт, или, скорее, бездонная воронка, откуда нет никакого выхода, и в которую люди постепенно засасываются все глубже и глубже.

17) *И слово их, как рак (как гангрена)*. Врач Бенедикт Текстор сказал мне, что Эразм плохо перевел этот отрывок. Он соединил вместе две совершенно разные болезни и заменил гангрену раком. Но Гален, как в других местах, так и в своих описаниях, данных в книге «О противоестественных опухолях», четко отличает одну болезнь от другой. И Паулус Эгинета, опираясь на его авторитет, так определяет рак в своей шестой книге: неравномерная опухоль, с припухлыми краями, ужасная на вид, безболезненная и по цвету похожая на синяк. Затем он приводит две разновидности рака, как делают и другие медики. Ибо в некоторых случаях рак протекает скрытно, без язвы, а в других возникает из язвы, наполненной черной желчью. О гангрене же Гален и в уже процитированной книге, и во второй книге к Глаукону, Этий в книге четырнадцатой, а Эгинета – в четвертой говорят так: она возникает от больших влажных повязок, если последними туго обвязать какую-нибудь часть тела так, чтобы эта часть, лишившись тепла и жизненного духа, постепенно отмирала. Если же она совершенно отомрет, то эту болезнь греки называют сфакелом (sphacelon), латиняне – сидерацией (siderationem), а простой народ – огнем Святого Антония. Знаю, что Корнелий Цельс различал между раком и гангреной так, что первый считал родом, а вторую – конкретным видом. Однако его заблуждение открыто опровергается трудами многочисленных достойных доверия врачей. Его могла обмануть схожесть латинских слов «рак» и «гангрена». Но из греческих названий этих болезней подобной путаницы произойти не может. **Καρκίνον** греки называют рака, причем, как животное, так и болезнь, в то время как «гангрена», по мнению грамматиков, производится ἀπὸ τοῦ γράειν, то есть, от слова «поедать». Поэтому в этом отрывке следует сохранить слово «гангрена», которым и пользуется Павел, вполне согласующееся с понятием питательной почвы.

До сих пор мы говорили об этимологии. Но все врачи утверждают: природа гангрены такова, что если не принять самые быстрые меры, она перекинется на близлежащие части тела, проникнет до самых костей и остановится лишь тогда, когда погубит всего человека. Итак, поскольку за гангреной быстро следует *νεκρωσις*, или сидерация, инфицирующая от соприкосновения с собой остальные члены вплоть до полной гибели тела, Павел изящно сравнил подложные учения с подобной пагубной болезнью. Ведь, если однажды открыть для них доступ, они распространятся до такой степени, что погубят всю Церковь. Итак, коль скоро зараза эта столь вредоносна, с ней следует своевременно бороться и не ждать, когда она распространится. Ибо в этом случае ничто уже не поможет. И отсюда в папстве происходит ужасное угашение Евангелия – из-за того, что невежество или нерадивость пастырей позволили долго и свободно распространяться искажениям, постепенно разрушавшим чистоту евангельского учения.

Таковы. Теперь апостол как бы пальцем указывает на конкретную заразу, чтобы все старались ее остерегаться. Ибо, не называя по имени людей, замышляющих погубить Церковь, мы в какой-то степени даем им возможность вредить. Несомненно, что пороки братьев не следует разглашать, но это относится к тем братьям, которые не оскверняют вслед за собою других. Если же опасность грозит многим, а мы вовремя не указываем на затаившееся зло, наша тактичность окажется весьма жестокой. Действительно, неужели из-за жалости к одному я погублю своим молчанием сотню или тысячу людей? И Павел обращается не только к Тимофею. Всем народам и векам он хотел засвидетельствовать нечестие этих двух людей, дабы преградить дорогу их дурному и пагубному учению.

Ранее сказав, что они отошли от истины, апостол указывает теперь на конкретную разновидность их заблуждения: эти люди утверждали, будто *воскресение уже было*. Без сомнения, они имели в виду некое аллегорическое воскресение, которое и сегодня пытаются проповедовать некоторые нечистые псы. И посредством подобной уловки сатана обрушивает главный артикул нашей веры, касающийся воскресения плоти. Нас не должно сильно смущать то, что безумие это, столь сурово осужденное Павлом, весьма древнее и потрепанное. Но, слыша, что уже с самого начала евангельской проповеди *вера некоторых разрушилась*, мы обязаны проявить еще большее прилежание к тому, чтобы своевременно уберечь себя и других от подобной заразы. Ведь, поскольку люди весьма склонны к суете, нет такой чудовищной глупости, которую кто-нибудь не готов был бы слушать.

19. Но твердое основание Божие стоит, имея печать сию: «познал Господь Своих»; и: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа». 20. А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. 21. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело.

(19. Но твердое основание Божие стоит, имея печать сию: «познал Господь Своих»; и: «да отступит от неправедности всякий, призывающий имя Христово». 20. А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни к чести, а другие к поношению. 21. Итак, кто очистит себя от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и полезным для Господа, годным на всякое доброе дело.)

19) *Но твердое.* Повседневный опыт убедительно свидетельствует нам о том, какой соблазн порождает отпадение тех, кто некогда исповедовал с нами одну и ту же веру. Особенно это верно в отношении знаменитых людей, имена которых известны более всех прочих. Ведь, если отступит кто-то из простолюдинов, мы не станем сильно волноваться. Но те, кто высоко ценился в общественном мнении, и ранее казался столпом, при падении обязательно увлекают в общую погибель и других, по крайней мере, в том случае, если вера этих других не получит поддержки извне. И Павел говорит сейчас именно об этом.

Он хочет сказать, что у благочестивых нет повода для сомнений, даже если они видят, как падают люди, которых прежде они считали самыми стойкими. Апостол также пользуется здесь следующим утешением: легковесность и вероломство людей не мешают Богу до последнего хранить Свою Церковь.

Прежде всего, апостол отсылает нас к избранию Божию, которое метафорически называет *основанием*, подразумевая под этим его твердое и непоколебимое постоянство. Хотя все сказанное также относится и к доказательству нашей уверенности в спасении, если мы принадлежим к числу избранных Божиих. Апостол как бы говорит: избранные Божии не зависят от разных случайностей, но опираются на твердый и недвижимый фундамент, поскольку спасение их пребывает в деснице Божией. Ведь, подобно тому, как надлежит быть выкорчеванным всякому насаждению, которое не посадил Небесный Отец, так и никакими ветрами, никакими бурями не сдвинется корень, насажденный Его рукою. Значит, первое положение таково: несмотря на великую немощь нашей плоти, избранные находятся вне опасности, поскольку стоят не собственной силой, а опираются на Бога. И если фундамент, заложенный человеческой рукою, бывает настолько крепок, то сколь же более прочен фундамент, положенный Самим Богом! Знаю, что некоторые относят сказанное к учению, то есть: никто не должен оценивать истину, исходя из человеческого непостоянства. Однако из контекста легко вывести, что Павел говорит здесь о Церкви Божией или об избранных.

Имея печать сию. Поскольку слово «отметина» некоторых вводит в заблуждение, и они думают, будто здесь имеется в виду нечто известное или ясно видимое, я дал перевод «печать», содержащий в себе меньше двусмысленности. Действительно, Павел имеет в виду, что спасение избранных находится под таинственной охраной Божией, словно запечатанное перстнем. И Писание свидетельствует о том, что избранные записаны в книге жизни. Впрочем, как слово «печать», так и следующее предложение учат нас, что не следует судить о многочисленности или малочисленности избранных, опираясь на наш разум. Ибо Бог желает, чтобы запечатленное Им неким образом оставалось для нас сокрытым. Кроме того, если *знать Своих* – дело исключительно Бога, не удивительно, что мы, ошибаясь даже в отношении отдельных избранных, часто не замечаем их великого числа.

Надо иметь в виду, зачем и для какой цели апостол упоминает здесь о печати. Он делает это для того, чтобы мы, видя подобные отступления, сразу вспоминали о том, чему учит Иоанн: они вышли от нас, но не были наши (1Ин.2:19). И отсюда следует двоякий плод: наша вера уже не испытывает колебаний, так словно она зависит от людей; и: нас уже не пугают подобные случаи, как обычно пугает что-то неожиданное. Кроме того, убежденные в будущем спасении Церкви, мы будем спокойно позволять отверженным идти к своей участи, к которой они и предназначены, поскольку число избранных, которым довольствовался Бог, пребудет неизменным. Поэтому всякий раз, когда люди внезапно изменяются паче наших ожиданий и надежд, будем помнить о том, что Господь знает всех принадлежащих Ему.

Да отступит от неправды (неправедности). Прежде апостол занимался устранением соблазна, дабы отпадение какого-либо человека не внушало верующим чрезмерный страх. Теперь же он, указав на конкретных лицемеров, учит тому, что не следует играть с Богом ложным исповеданием христианской религии. Павел как бы говорит: коль скоро Бог столь сурово карает лицемеров, делая явными их злодеяния, научимся же искренне бояться Его, дабы с нами не произошло ничего подобного. Итак, всякий, призывающий Бога, то есть, исповедующий свою принадлежность к Его народу и желающий в нем числиться, должен удалиться от всякого нечестия. Ибо фраза «призывать имя Христово» значит то же, что и хвалиться Его именем или претендовать на принадлежность к Его стаду. Подобно тому, как в Ис.4:1 и Быт.48:19 призывать имя мужа на женщину означает считать эту женщину

его законной супругой, а призывать имя Иакова на все его потомство значит непрерывно сохранять его имя за его же семьей, поскольку она ведет от него происхождение.

20) *А в большом доме.* Апостол развивает свою мысль и, приведя подходящее сравнение, показывает, что мы не должны волноваться, видя постыдное отступничество тех, кто временно выставял перед всеми напоказ свое великое благочестие и рвение. Наоборот, здесь нам следует усматривать прекрасное и весьма полезное для нас устройство провидения Божия. Ибо кто будет упрекать большой дом за то, что он изобилует всякого рода утварью, и поэтому имеет сосуды, приспособленные не только для почетного употребления, но и для низкого и в некотором смысле постыдного? Больше того, если стол для гостей блистает золотом или серебром, а кухня наполнена глиняной утварью, то подобное различие весьма способствует украшению дома. Итак, что удивительного, если Бог, подобно богатому и состоятельному отцу семейства, имеет в этом мире, словно в огромном доме, разных людей, уподобляющихся многообразной утвари?

Впрочем, толкователи не согласны в том, означает ли большой дом одну только Церковь или весь мир. Контекст подводит нас к тому, чтобы отнести сказанное в первую очередь к Церкви. Ведь Павел рассуждает здесь не о внешних людях, а о самой семье Божией. Но то, что он возвещает, истинно в самом общем смысле. Поэтому в другом месте тот же самый апостол распространяет это утверждение на весь мир, а именно – в Рим.9:21, где под глиняными сосудами подразумевает всех отверженных. Так что не стоит особо возражать, если кто-то отнесет его настоящую фразу ко всему миру. И все же вполне ясно, что Павел намекает здесь на следующее: то, что злые перемешаны с добрыми, не должно казаться нам глупым, а это в первую очередь справедливо в отношении Церкви.

21) *Итак, кто будет чист (кто очистит себя).* Если отверженные суть сосуды для поношения, то это поношение заключено только в них, не вредя при этом самому дому и никак не позоря Отца семейства, предназначающего каждый сосуд для того употребления, которое он заслуживает. Однако их пример должен научить нас готовить себя для употребления почетного и лучшего. Ибо в лице отверженных мы, словно в зеркале, наблюдаем, сколь несчастна участь человека, не служащего от души Божией славе. Поэтому подобного рода примеры наилучшим образом воодушевляют нас проявлять усердие к святости и невинности. Но многие весьма глупо злоупотребляют этим свидетельством, пытаясь приписать бегущему и желающему то, что Павел в другом месте (Рим.9:16) относит к милующему Богу. Ведь апостол рассуждает здесь не об избрании людей, не учит, в чем заключается его причина, как делает это в девятой главе Послания к Римлянам. Он только хочет, чтобы мы не были похожи на нечестивых, которых видим рожденными для гибели. Поэтому глупо выводить из его слов, что во власти человека приписывать себя к числу детей Божиих и быть творцом собственного усыновления. Не об этом идет сейчас речь. И этого краткого наставления вполне достаточно против тех, кто велит людям поступать так, чтобы стать предопределенными. Словно Павел предписывает здесь людям то, что они должны сделать до своего рождения и, больше того, прежде основания мира.

Другие, кто выводит отсюда, что свободная воля помогает человеку приготовить себя к тому, чтобы должным образом повиноваться Богу, на первый взгляд, не так глупы, как предыдущие толкователи. Но и они не говорят ничего путного. Апостол заповедует всем желающим посвятить себя Господу очиститься от скверны нечестивых. И то же самое повсеместно заповедует Бог. Ибо мы слышим здесь то же, что читаем у того же Павла во многих местах, особенно, во Втором Послании к Коринфянам: очиститесь, несущие в себе сосуды Господни. Отсюда следует очевидное и совершенно бесспорное утверждение, состоящее в том, что нас призывают к святости.

Но одно дело говорить о призвании и обязанностях христиан, и совсем другое – об их способности и силах. Мы не отрицаем, что от верующих требуется самоочищение, но в

другом месте Господь приписывает это дело Себе, обещая через Иезекииля (36:25) послать для нашего очищения чистую воду. Поэтому надо просить у Господа, чтобы Он нас очистил, а не напрасно отстаивать за собой какие-то силы без Его помощи.

Сосуд в чести освященный означает сосуд, отделенный для почетного и благовидного использования. И то же самое значит фраза «полезный» для Господа – то есть, приспособленный для высокого употребления. Затем апостол объясняет свою метафору, добавляя, что мы должны стать пригодными ко *всякому доброму делу*. Итак, пусть смолкнут безумные возгласы фанатиков о том, что они будут служить Богу так же, как послужил Ему фараон. Какая разница, – говорят они, – лишь бы этим прославился Бог. Однако здесь Бог ясно показывает, какого именно служения хочет от нас. Он хочет, чтобы мы жили свято и благочестиво.

22. Юношеских похотей убегай, а держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца. 23. От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; 24. рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, 25. с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, 26. чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю.

(22. Юношеских похотей убегай, а следуй праведности, вере, любви, миру со всеми призывающими Господа от чистого сердца. 23. От глупых и невежественных вопросов уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; 24. рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, терпящим злых, 25. с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины 26. и избавлению от сети диавола, коим они удерживались плененные в его волю.)

22) *Юношеских похотей*. Вывод из всего вышесказанного. Ранее, упомянув о никчемных вопрошаниях, апостол отметил по этому поводу Именея и Филита, которых собственное тщеславие и суетное любопытство увело от истинной веры. Теперь же он снова увещевает Тимофея уклоняться от столь вредоносной заразы. И для достижения этой цели апостол учит избегать юношеских похотей, под которыми подразумевает не склонность к совокуплению или другие постыдные виды распутства и развратные вожделения, коими, как правило, страдают юноши, а любые внутренние побуждения, к которым этот возраст чрезмерно склонен. Если возникает какой-либо спор, юноши начинают горячиться раньше людей зрелого возраста. Они легче раздражаются, чаще ошибаются по неопытности, действуют с большей самоуверенностью и дерзостью. Поэтому Павел обоснованно увещевает молодого человека тщательно остерегаться пороков его возраста, способных в противном случае легко вовлечь его в бесполезные словопрения.

Держись правды (следуй праведности). Здесь апостол рекомендует Тимофею противоположные качества, способные удержать нас от юношеской неумеренности. Он как бы говорит: вот чему ты должен быть привержен, вот к чему должен прилагать усердие. На первое место апостол ставит праведность, то есть правильный образ жизни. Затем он присоединяет к ней *веру* и *любовь*, в которых она главным образом и заключается. Упоминание же о мире весьма подходяще для обсуждаемой апостолом темы. Ибо люди, забавляющие себя запрещенными Павлом вопросами, с необходимостью будут спорщиками и склонными к ссорам. Призывание Бога означает здесь путем синекдохи все богопочитание. Разве что его также можно отнести к исповеданию веры. Но поскольку призывание Бога – главное в Его почитании, эта фраза часто употребляется для обозначения всей религии вообще. Впрочем, не ясно, имеет ли в виду апостол всех верующих, веля искать мира *со всеми призывающими Господа*. Подразумевает ли он, что к этому должны стремиться все истинные богопочитатели, или же заповедует иметь с ними мир именно Тимофею? И мне кажется, что этот последний смысл лучше подходит к контексту.

23) *От глупых.* Апостол называет эти вопросы глупыми потому, что они *невежественны*, то есть, ничем не помогают благочестию, каким бы остроумными ни казались в прочих отношениях. Ибо лишь та мудрость истинна, когда мы мудствуем с пользой. И это следует прилежно отметить. Мы видим, сколь несчастным образом восхищается мир ничемными умственными тонкостями и как сильно желает про них слышать. Итак, дабы тщеславие не побуждало нас искать благоволения других через подобную мишуру, будем помнить об этом изречении Павла: самые популярные среди народа вопросы одновременно являются и самыми глупыми, поскольку не приносят никакого плода. Кроме того, апостол упоминает о том зле, которое эти вопросы обычно порождают. И он говорит именно то, что мы ежедневно наблюдаем на собственном опыте: эти вопросы, действительно, дают повод для распрей и ссор. Однако даже эти столь многочисленные свидетельства не приносят пользы большинству людей.

24) *Рабу же Господа.* Довод Павла состоит в том, что рабу Господню надлежит быть чуждым всяких распрей. Глупые же вопросы неизбежно к ним приводят. Поэтому всякий желающий быть и считаться рабом Господним должен их избегать. И если излишних вопрошаний следует избегать даже только потому, что рабу Господню некрасиво с кем-либо ссориться, то сколь же бесстыдны те, кто с целью собственного прославления постоянно и намеренно возбуждает разные споры? А теперь пусть выйдет вперед богословие папистов. Что еще обнаружится в нем, кроме искусства спорить и пререкаться? Поэтому, чем больше кто-либо в нем преуспевает, тем менее пригоден он к служению Христу.

Веля же рабу Христову быть *приветливым*, апостол требует добродетели, противоположной страсти к словопрениям. Сюда же относится и следующая фраза о том, что рабу Христову подобает быть *διδακτικός*. Ибо учение будет успешно лишь там, где будет присутствовать определенная умеренность и некоторая обоснованная сдержанность. Но разве учитель, сломя голову кидающийся в споры, будет эту умеренность соблюдать? Поэтому, насколько каждый уклоняется от ссор и распрей, настолько же он и пригоден к обучению других.

Однако, поскольку неумность некоторых порой вызывает у нас горечь или отвращение, апостол присоединяет к вышеперечисленным качествам *терпение*, одновременно показывая, почему именно оно необходимо. Оно необходимо, поскольку благочестивый учитель должен пытаться вернуть на правильный путь надменных и неуступчивых, чего не может произойти без кроткого с ними обращения.

25) *Не даст ли им Бог.* Оборот «не даст ли» или «может быть, даст» указывает на трудность этого дела, представляя его почти невероятным и безнадежным. Поэтому Павел хочет сказать, что *кротость* надо проявлять даже к недостойным ее людям, что надо рисковать даже в том случае, если вначале нет никакой надежды на успех. И в том же смысле Павел говорит о будущем даровании покаяния от Бога. Коль скоро обращение человека находится в Божией деснице, кто знает, не переменятся ли внезапно силою Божией даже те, кто сегодня кажется не поддающимся обучению? Итак, всякий размысливший о том, что покаяние есть дар Божий и Его дело, будет надеяться на успех сильнее, и воодушевленный этой надеждой приложит больше труда и усердия к обучению неуступчивых. Ибо следует думать так: наше дело – прилежно сеять и орошать, и если мы это делаем, ожидать от Господа надлежащего прироста. Таким образом, хотя все наши труды и усилия сами по себе безуспешны, они все же оказываются не напрасными по Божию благодеянию.

Отсюда также можно вывести, в чем заключается истинное покаяние тех, кто временно выказывал непослушание Богу. Начало его Павел помешает в *познании истины*. Этим он хочет сказать, что ум человеческий слеп, покуда упорно противится Богу и Его учению. За просвещением же следует избавление от рабства дьяволу. Ибо сатана настолько опьяняет

неверующих, что они, как бы уснув, не чувствуют свое зло. Господь же, напротив, просвещая нас светом Своей истины, избавляет от этого пагубного сна, разрывает удерживающие нас силки и, устранив все преграды, делает нас Себе послушными.

26) *Который уловил (коим они удерживались)*. Ужасно состояние, при котором дьявол имеет над нами такую власть, что по своей прихоти может тащить нас туда или сюда, словно плененных им рабов. Но таково положение всех тех, кого отделила от Бога жесточенность их сердца. И это сатанинское тираническое господство мы ежедневно наблюдаем в отверженных. Ибо они не бросались бы в таком животном и яростном порыве в любые гнусные и постыдные предприятия, если бы их тайно не толкала к этому сатанинская сила. Именно об этом и сказано в Еф.2:2: сатана являет в неверующих действенность своей силы. И подобные примеры научают нас прилежно сохранять себя под игом Христовым и позволять Его Духу нами управлять. Но означенное пленение не извиняет нечестивых: будто бы, греша по внушению сатаны, они из-за этого не грешат вовсе. Ибо, хотя их яростное стремление ко злу исходит от господства сатаны, они все же ничего не делают против воли, но с полным желанием бросаются туда, куда их влечет дьявол.

Глава 3

1. Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. 2. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, 3. непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, 4. предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, 5. имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. 6. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, 7. всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины.

(1. Знай же, что в последние дни наступят времена опасные. 2. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, 3. бесчувственны, удаляющиеся от союза, клеветники, невоздержны, некротки, небрежущие добром, 4. предатели, дерзки, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, 5. имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. 6. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в семьи и пленяют женщин, отягощенных грехами, водимых различными похотями, 7. всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины.)

2) *Знай же*. Подобными словами апостол хотел еще больше привлечь внимание Тимофея. Ведь, когда дела идут, как нам бы хотелось, мы успокаиваемся, а ощущение нужды внушает нам бдительность. Поэтому Павел учит, что Церковь будет подвержена разным невзгодам, требующим от пастырей редкостную веру, усердие, бдение, благоразумие и стойкость. Он как бы заповедует Тимофею подготовиться к предстоящим нелегким сражениям, связанным с самыми великими хлопотами. Отсюда мы узнаем, что нам подобает не уступать подобным трудностям или устрашаться ими, а скорее, напротив, собраться с духом для их преодоления.

Под *последними днями* апостол разумеет вселенское состояние Христианской Церкви. Он не сравнивает свое время с нашим, но скорее учит тому, в каком состоянии окажется Христово Царство. Ибо многие воображают себе незнамо какой блаженный, свободный от всякой скорби мир. Апостол же вкратце дает понять, что дела в евангельские времена будут идти не столь хорошо, чтобы все виды порока оказались подавлены, а все добродетели расцвели. Поэтому пастыри Христианской Церкви будут иметь дело с нечестивыми и преступными людьми ничуть не меньше, чем с ними имели дело пророки и благочестивые священники. А отсюда, в свою очередь, следует, что время для отдыха пока не наступило.

2) *Ибо люди будут.* Надо отметить, в чем именно апостол видит суровость и жестокость этого времени. Не в войне, не в голоде, не в болезнях, не в каких-то других несчастьях и неудобствах, причиняемых нашей плоти, а в превратных и злых людских нравах. Действительно, для благочестивых и боящихся Бога людей нет ничего горше, чем видеть подобную нравственную порчу. Подобно тому, как для них нет ничего важнее Божией славы, так и оскорбление Бога и презрение к Нему мучает их больше всего. Затем, обратим внимание на то, о ком именно говорит апостол. Не о внешних врагах, открыто восстающих на имя Христово, но о своих домашних, которые желают считаться членами Церкви. Ведь Бог хочет упражнять Свою Церковь до такой степени, чтобы она терпела в своем лоне эту заразу, даже если страшится ее взращивать. Поэтому, если сегодня с нами смешаны многие, кого мы заслуженно можем проклинать, научимся терпеливо стенать под этим бременем, слыша, что именно такова участь Христианской Церкви.

Далее, кажется странным, что те, которым Павел вменяет столь много разнообразных гнусностей, могут по его же свидетельству иметь вид благочестия. Но ежедневный опыт приводит нас к выводу, что это – не столь уж удивительно. Ибо наглость и нечестие лицемеров просто невероятны. Однажды лживым образом присоединившись к Богу, они затем бесстыднейше пытаются оправдать любые, даже самые тяжкие пороки. Сколькими мерзостями кишела некогда жизнь фарисеев? И, однако же, о них думали, как о великих святых, словно они были чисты от любых подозрений. Так и сегодня, несмотря на то, что в папском клире присутствует грязь, зловоние которой распространилось по всему миру, паписты не прекращают надменно и по-мошеннически присваивать себе все титулы и права святых.

Итак, сказанное Павлом о том, что лицемеры, даже страдая от тягчайших пороков, тем не менее, пытаются прикрыться личиной благочестия, не должно казаться странным с учетом находящихся у нас перед глазами примеров. Действительно, мир достоин того, чтобы его обманывали подобные мошенники, коль скоро он либо презирает истинную святость, либо не может ее выносить. Кроме того, Павел перечисляет такие виды пороков, которые не видны сразу и даже, как правило, сопровождаются притворной святостью. Какому лицемеру не свойственна гордость? Кто из них не самолюбив? Кто не презирает других? Кто не жесток или неистов? Кто не лжив? Но все это сокрыто от людских взоров.

Было бы излишне подробно разбирать здесь отдельные слова, коль скоро они не нуждаются в истолковании. Пусть читатели отметят только, что *φιλαυτίαν*, поставленная здесь на первое место, является как бы источником, из которого истекают все перечисляемые затем пороки. Ведь тот, кто любит самого себя, присваивает себе все, презирает всех остальных, не кроток, потакает себе в сребролюбии, в вероломстве, в гневливости, в непокорности родителям, в небрежении добром и тому подобном. Поскольку же намерение Павла состояло в том, чтобы заклеить подобной отметиной лжепророков, сделав их гнусность очевидной для всех, наше дело раскрыть глаза и постараться увидеть тех, на кого нам словно показывают пальцем.

5) *Таковых удаляйся.* Это увещание вполне показывает нам, что Павел не говорит здесь об отдаленном будущем² и не пророчествует о том, что произойдет много столетий спустя. Но, показав, каким злом отмечена его эпоха, он прилагает к ней то, что ранее сказал о последних днях. Ибо как мог бы Тимофей удаляться того, что произойдет много столетий спустя? Из этого следует вывод: сразу же после начала евангельской проповеди Церковь стала страдать от подобной порчи.

6) *К сим принадлежат те.* Можно было бы сказать, что Павел явно рисует перед нами живое изображение монашества. Но не будем говорить о монахах, все равно признаки, коими апостол наделяет ложных и самозванных учителей, достаточно ясны, а именно:

проникновение в семьи, приманки, предназначенные для обольщения женщин, непристойная лесть, обман людей с помощью разных суеверий. И на эти признаки нам надлежит обратить особое внимание, если мы хотим отличать подлинных Христовых служителей от притворных и бесполезных. Последних же Павел помечает здесь столь черным угольком, что им не помогут уже никакие уловки.

Вкрадываться в семьи означает проникать или вползать в них с помощью искусства прельщения. И апостол предпочитает говорить здесь о женщинах, поскольку они более мужчин падки на подобное мошенничество. Павел называет их *плененными*, потому что лжепророки превращают их в своих приверженцев путем разного рода уловок, состоящих отчасти в любопытствующем выведывании, а отчасти – в лести. Именно по этой причине апостол добавляет фразу «отягощенных грехами». Ведь если бы этих женщин не тяготила злая совесть, они бы не позволили другим столь легко собой манипулировать.

Слово «похоти» я понимаю здесь обобщенно как глупые и вздорные пожелания, владеющие женщинами, не взыскующими Бога от всей души и, однако же, желающими считаться религиозными и святыми. Ибо, отвернувшись от собственной совести, они без конца облачаются во все новые и новые личины. Златоуст предпочел отнести эти слова к неприличным и постыдным вожеланиям, но первое толкование с учетом контекста нравится мне больше. Ведь сразу же затем следует фраза о том, что они *всегда учатся*, но никогда не научаются правильно думать. Именно в этом и заключаются метания между разными похотями: не придя ни к какому окончательному решению, эти женщины находятся в непрерывных колебаниях. Они учатся, поскольку любопытны и, кроме того, беспокойны душою, но учатся так, что никогда не познают ничего правильного и истинного. Таково их порочное усердие, не приводящее ни к какому знанию. Хотя эти женщины кажутся себе высокочудствующими, они все же ничего не знают, поскольку не придерживаются истины, фундамента всякого подлинного знания.

8. Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере. 9. Но они не много успеют; ибо их безумие обнаружится перед всеми, как и с теми случилось. 10. А ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, 11. в гонениях, страданиях, постигших меня в Антиохии, Икони, Листрах; каковыя гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. 12. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы.

(8. Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди, поврежденные умом, отверженные в отношении веры. 9. Но они больше не будут преуспевать; ибо их безумие обнаружится перед всеми, как и с теми случилось. 10. А ты последовал моему учению, установлению, намерению, вере, великодушию, любви, терпению, 11. гонениям, страданиям, постигшим меня в Антиохии, Икони, Листрах; каковыя гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. 12. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы.)

8) *Как Ианний.* Это сравнение подтверждает то, что я прежде говорил о последних временах. Апостол хочет сказать, что с нами во времена Евангелия происходит то же, что испытывала Церковь почти с самого начала своего существования. По крайней мере, с того времени, как был обнародован закон. Подобно тому, как сказано о постоянных сражениях Церкви в Пс.129:1 [В Синодальном переводе Пс.128:1 — прим. пер.]: часто восставали на меня с юности моей, да скажет ныне Израиль, на спине моей пахали нечестивые, проводили по ней борозды свои. Поэтому, как учит Павел, вовсе не удивительно, если против Христа восстанут противящиеся Его Евангелию враги, коль скоро свои противники были и у Моисея. И подобные примеры, заимствованные из крайней древности, немало способствуют нашему утешению.

Далее, все соглашается с тем, что два упомянутые Павлом человека были волхвами, которых возвысил фараон. Но не ясно, откуда Павел узнал их имена. Хотя вероятно, что множество такого рода историй передавалось из уст в уста, и Бог не позволил им придти в забвение. Возможно, что во времена Павла имелись комментарии на пророков, более подробно рассказывающие о том, о чем лишь кратко повествовал Моисей. Но как бы то ни было, апостол приводит эти имена вполне сознательно. Можно предположить, что их было двое по следующей причине: коль скоро Господь поставил над Своим народом двух вождей Моисея и Аарона, фараон захотел противопоставить этим людям столько же своих волхвов.

9) *Но они не много успеют (но они большие не будут преуспевать)*. Надежда на победу должна воодушевить Тимофея к битве. Ведь даже если лжеучителя и доставляют ему сейчас скорбь, им в будущем, по обещанию апостола, и притом довольно скоро, предстанут позор и бесславие. Хотя исход дела никак не соответствует этому обещанию. И кажется, что апостол немного ниже говорит совсем противоположное, а именно: они будут преуспевать в худшую сторону. И здесь не подходит ответ, даваемый Златоустом: якобы они день ото дня будут становиться все хуже, но при этом никак не повредят другим. Ведь апостол подчеркнуто добавляет: заблуждающиеся и вовлекающие в заблуждение. И то же самое подтверждает наш повседневный опыт. Поэтому правильнее думать, что Павел имел в виду разные утверждения. Отрицая преуспевание этих людей, апостол говорит не обобщенно. Он только хотел сказать, что Господь сделает их безумие явным для многих из тех, кого вначале он обманывали своим призрачным учением. Посему, утверждая, что *безумие их обнаружится перед всеми*, апостол использует синекдоху.

Действительно, те, кто больше всего способен обманывать, вначале наводят большую мишуру, вызывают к себе великое благоволение, и, кажется, что скоро свернут горы, но напыщенность их вскоре сходит на нет. Ибо Господь открывает глаза многим, и они начинают видеть то, что ранее от них было сокрыто. Однако глупость лжепророков никогда не обнаружится настолько, чтобы стать очевидной для всех. Кроме того, если одно заблуждение терпит поражение, тотчас возникает новое. Поэтому оба увещания апостола весьма для нас необходимы. Дабы благочестивые пастыри не падали духом, словно напрасно вели войну с заблуждением, им надо говорить о будущем успехе, который Господь даст Своему учению. Но, чтобы, с другой стороны, они не думали, будто можно ограничиться одним или двумя сражениями, им следует напоминать, что у них всегда будет повод вступить в битву.

Однако об этом апостол скажет потом. Сейчас же нам достаточно понять, что Тимофею возvesчается твердая надежда на благополучный исход, дабы он сражался еще воодушевленное. И апостол подтверждает это приведенным выше примером. Ведь подобно тому, как истина Божие возобладала вопреки всему мошенничеству волхвов, так и евангельскому учению апостол обещает победу над любыми человеческими выдумками.

10) *А ты последовал*. Для воодушевления Тимофея апостол прибегает к доводу, состоящему в том, что тот не невежда и не новобранец, без всякого опыта выходящий на поле битвы. Он – тот, кого Павел самолично обучал через долгое воспитание. И здесь идет речь не только об учении. Немаловажны и другие упомянутые Павлом качества, так что его слова как бы рисуют перед нами живой портрет доброго пастыря. А добрый пастырь воспитывает и обучает своих учеников не только словом, но и в некотором смысле открывает им свое сердце, давая понять, что учит их от всей души. Именно это и означает здесь «намерение».

Апостол присоединяет к нему и другие свидетельства серьезного и неподдельного чувства. Таковы: *вера, любовь, великодушие и терпение*. И Тимофей уже впитал в себя эти начатки, пребывая в школе апостола. Хотя Павел упоминает не только о том, чему Тимофей научился лично у него, но и свидетельствует о его предыдущей жизни, таким

образом, побуждая его к проявлению стойкости. Он расхваливает Тимофея за то, что тот подражал присущим Павлу добродетелям. Апостол как бы говорит: ты уже привык следовать моим установлениям, продолжай же делать то, что ты начал. И все же Павел хочет, чтобы пример его веры, любви и терпения постоянно находился перед глазами Тимофея, и поэтому, прежде всего, упоминает о гонениях, более всего известных его адресату.

12) *И от всех*. Утешение, коим апостол смягчает горечь своих скорбей, состоящее в том, что они всегда имеют благополучный исход³. Если же кто возразит, что тот исход, которым хвалится апостол, замечен не всегда, соглашусь, что в плотском смысле это действительно так. Ибо в последний раз Павел не получил избавления для себя лично. Но, если Бог порою нас избавляет, Он свидетельствует этим о Своем присутствии и о том, что будет с Нами всегда. И всякий раз, ощущая от Него помощь, упование наше должно обращаться к будущему. Поэтому фраза апостола означает то же, как если бы он сказал: на собственном опыте я узнал, что Бог всегда будет со мною. Поэтому у тебя нет причин колебаться в том, чтобы последовать за Ним по моему примеру.

12) *Да и все*. Поскольку ранее апостол упоминал о выпавших на его долю гонениях, теперь он добавляет, что все произошедшее с ним также ожидает всех благочестивых. Он говорит это отчасти для того, чтобы верующие приготовились покориться подобной участи, отчасти же для того, чтобы они не подозревали его в чем-то плохом из-за переносимых им преследований. Ведь несправедливый суд весьма часто следует за несправедливым поведением. И того, к кому менее благосклонны люди, в народе вскоре сочтут неугодным также и Богу. Поэтому Павел в этой обобщающей фразе причисляет себя к детям Божиим и одновременно увещевает других детей Божиих приготовиться к претерпеванию гонений. Ведь, если этот закон предписывается всем *желающим благочестиво жить во Христе*, от Христа неизбежно отрекаются люди, хотящие гонений избежать. Напрасно мы будем пытаться отделить Господа Иисуса от Его же креста, в то время как для мира вполне естественно ненавидеть Христа в том числе и в членах Его тела. Спутницей же ненависти является жестокость, а от нее происходят гонения. Итак, будем знать, что мы остаемся христианами с одним условием: нам предстоит пройти через многочисленные скорби и битвы. \

Но спрашивается: должны ли все тогда становятся мучениками? Ибо, как известно, многие благочестивые никогда не подвергались изгнанию, тюремному заключению, никогда не находились в бегах и не испытывали никаких гонений. Отвечаю: сатана преследует рабов Христовых не одним лишь способом. Но все же мир неизбежно будет тем или иным образом враждовать против них всех для упражнения их в вере и проверки их стойкости. Ибо сатана, будучи вечным врагом Христовым, не потерпит, чтобы кто-либо из Ему принадлежащих был в спокойствии всю жизнь, и отверженные будут всегда колоть нас своими стрелами. Больше того, как только в человеке обнаруживается рвение по Богу, ярость нечестивых тут же воспламеняется. И даже если нечестивые и не всегда обнажают меч, они все равно изbleвывают свой яд в ропоте, в проклятиях, в смутах или каким-либо иным образом. Поэтому, хотя благочестивые и не испытывают одни и те же нападки, не ведут одну и ту же битву, ратная служба у них все же одинаковая. Они никогда не пребудут в полном спокойствии, никогда не будут избавлены от всех гонений.

13. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь. 14. А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. 15. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. 16. Все Писание богодухновенно и

полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, 17. да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен.

(13. Злые же люди и обманщики будут преуспевать к худшему, вводя в заблуждение и заблуждаясь. 14. А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. 15. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою, которая во Христе Иисусе. 16. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, 17. да будет целокупен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен.)

13) *Злые же люди.* Самое тяжкое гонение происходит тогда, когда мы видим, как нечестивые со своей святотатственной дерзостью, с богохульствами и заблуждениями набирают силы. И Павел в другом месте говорит (Гал.4:29), что Измаил мучил Исаака не мечом, а своими насмешками. Отсюда вывод: в предыдущем предложении шла речь не о каком-либо отдельном виде гонений, а в целом обо всех тяготах, которые вынуждены переносить дети Божии, сражаясь за славу Своего Отца. Апостол говорит, что нечестивые будут не только упорно сопротивляться, но и успешно наносить вред, портя при этом других. Ибо один проходимец всегда будет сильнее в деле разрушения, чем десять верных учителей в деле назидания, несмотря на их мужественный труд. Никогда не искоренятся плевелы сатаны, портящие чистоту урожая. Больше того, когда лжепророки уже кажутся поверженными, они постоянно производят все новых и новых последователей.

Впрочем, легкость, с которой они наносят вред, происходит не от того, что ложь по природе своей сильнее истины, не от того, что искусство сатаны побеждает действенность духа Божия, а от того, что люди, по собственной воле склонные к суете и заблуждениям, легче принимают то, что соответствует их нраву, и, кроме того, от того, что ослепленные по праведному мщению Божию, они, подобно плененным рабам, служат прихоти дьявола. И главная причина, по которой зараза нечестивых учений столь вездесуща, состоит в том, что именно этого и заслуживает людская неблагодарность.

Полезно отметить, что апостол говорит про это благочестивым учителям, дабы они, готовясь к постоянному ратоборству, не падали духом от длительности сражения и не пасовали перед наглостью и разнузданностью врагов.

14) *А ты пребывай.* Как бы ни усиливалось нечестие, какие бы пространства ни завоевывало, апостол велит Тимофею стоять, несмотря ни на что. Действительно, подлинная проверка веры происходит тогда, когда мы с нестигаемым упорством противимся всем козням дьявола, не отклоняемся от правильного пути из-за любого дуновения ветра, но пребываем твердыми в истине Божией, держась за нее, как за священный якорь. Фразой «зная, кем ты научен» апостол провозглашает несомненную истинность своего учения. Ведь, если кто-то бывает научен плохому, он не должен постоянно в этом пребывать. Нам надлежит разучиться всему, чему мы научились вне Христа, подобно тому, как начало благочестивого наставления в вере состоит в том, чтобы отбросить все папистские установления. Поэтому апостол предписывает Тимофею хранить не какое угодно переданное ему учение, а только такое, истинность которого для него ясна, то есть, проявлять в этом деле разборчивость.

Далее, говоря, что Тимофей должен считать небесным речением все, чему от него научился, апостол не приписывает себе эту привилегию как частному лицу, но с упованием провозглашает перед Тимофеем свой авторитет, зная, что последнему известны и его вера, и подлинность его призвания. И если Тимофей был твердо убежден, что научился от самого апостола Христова, он выводил отсюда, что учение это было не человеческим, а Христовым. Этот отрывок учит нас, что упорства в неясных и туманных вопросах (каковы все человеческие учения) надо избегать столь же усердно, сколь упрямо и настойчиво следует держаться за истину Божию. Кроме того, отсюда мы узнаем, что с

верою должно соединяться благоразумие, отличающее Слово Божие от слов человеческих, дабы мы не хватались тут же за все нам предлагаемое. Ведь вере больше всего чуждо легковерие, без различия принимающее что угодно и от кого угодно. Так что главный фундамент веры – знание, что автором ее является Бог.

Фраза же о том, что учение было вверено Тимофею, поставлена для *αὐξήσιν* смысла. Ведь вверить что-либо в качестве залога – нечто большее, чем просто что-то передавать. Кроме того, Тимофея обучали не как какого-то рядового человека, а с той целью, чтобы он добросовестно передавал другим принятое им самим ранее.

15) *Ты из детства*. Немало помогало Тимофею и то, что он с детства привык к чтению Писания. Подобное длительное упражнение делает человека значительно более стойким перед всеми видами лжи и обмана. Поэтому некогда благоразумно заботились о том, чтобы люди, предназначенные к служению Слова, с детства тщательнее наставлялись в учении благочестия и впитывали в себя Священные Писания, дабы потом не приступать к своим обязанностям, будучи новичками или недостаточно опытными. И то, что кого-то сизмальства учили подобному знанию Писания, следует считать особым благословением Божиим.

Которые могут. Великая похвала Писанию заключается в том, что мудрость, достаточную для спасения, надо искать именно в Нем и нигде больше. И об этом будет еще яснее сказано в следующем предложении. Но одновременно апостол учит, что именно следует искать в Священном Писании. Ведь на Писание ссылаются и лжепророки. Поэтому, чтобы оно было полезно нам для спасения, необходимо правильно его использовать. Что если кто-то будет заниматься лишь любопытствующими вопрошаниями? Что если он прилепится лишь к букве закона и не станет искать Христа? Что если станет извращать подлинный смысл чуждыми толкованиями? Поэтому апостол обоснованно отсылает нас к вере во Христа как главной и первостепенной цели. На ней же основано и то, о чем Павел скажет в следующем предложении.

16) *Все Писание*. Или «Писание целиком», хотя смысл от этого меняется мало. Апостол продолжает развивать похвалу, которую ранее высказал в весьма сжатом виде. Он расхваливает перед Тимофеем происходящие от чтения Писания плоды, ссылаясь, во-первых, на его авторитет, а, во-вторых, на его полезность. Чтобы утвердить авторитет Писания, апостол учит, что оно *богодухновенно*. Ведь если это так, не будет повода для споров о том, должны ли люди его почтительно принимать. Принцип, отличающий нашу религию от всех прочих, состоит в следующем: мы знаем, что с нами говорил Бог, и твердо убеждены в том, что пророки вещали не от своего разума, но, будучи орудиями Святого Духа, проповедовали лишь то, что было заповедано свыше. Итак, всякий желающий получить пользу от Писания должен, прежде всего, постановить для себя, что закон и пророчества – это учение, созданное не по воле людей, а продиктованное Святым Духом.

Если же кто в качестве возражения спросит: откуда мы можем об этом узнать? – отвечаю: авторство Бога возвещается и ученикам, и учителям откровением Того же Самого Духа. Ибо то, что мы имеем от Моисея и пророков, они возвестили нам не по собственной дерзости. Напротив, проповедуя по вдохновению Божию, эти люди бестрепетно и уверенно, как и было должно, засвидетельствовали, что через них говорили уста Господни. Итак, Тот же Самый Дух, Который ранее удостоверил Моисея и пророков в их призвании, свидетельствует теперь нашим сердцам, что воспользовался их служением для нашего научения. Поэтому не удивительно, что многие сомневаются в авторстве Писания. Ведь, как бы ни сияло в нем величие Божие, глаза имеются лишь у тех, кто просвещен Святым Духом, дабы видеть то, что возвещается всем, но понятно одним лишь избранным. Итак, первое положение таково: Писанию полагается такое же почтение,

какое мы выказываем Богу, поскольку оно проистекает только от Него и не содержит в себе никакой человеческой примеси.

И полезно, и т.д. Затем следует вторая часть похвалы Священному Писанию: оно содержит в себе совершеннейшее правило для доброй и блаженной жизни. Говоря эти слова, апостол имел в виду следующее: там, где люди не ищут подобной пользы, происходит искажение Писания и злоупотребление им. Таким образом, Павел косвенно порицает тех краснобаев, которые пичкают народ своими пустыми и ветреными умствованиями. И на этом же основании мы можем сегодня осудить всех тех, кто, отбросив стремление к назиданию, занимается лишь тем, что поднимает утонченные и глупые вопросы. Больше того, всякий раз, как нам навязываются подобные глупые тонкости, мы должны выставлять против них подобно щиту слова о пользе Священного Писания. Отсюда следует, что его не подобает толковать без пользы. Ибо Господь, передав нам Писание, хотел не удовлетворять наше любопытство, не потакать нашей склонности к мишуре, не давать повода для болтовни и баснословия, а принести нам пользу. Поэтому правильное использование Писания всегда должно быть нацелено на преуспевание в нем.

Для научения. Апостол показывает здесь, сколь многую и разнообразную пользу можно получить от Писания, перечисляя ее отдельные виды. На первое место он ставит научение, поскольку оно по порядку предшествует всему остальному. Напрасно будешь ты обличать и убеждать кого-либо, если прежде его не научишь. Но коль скоро голое учение часто кажется холодным, апостол добавляет к нему *обличение* и *исправление*. Далее, было бы слишком долго объяснять здесь, чему именно мы научаемся из Писания. Поэтому апостол еще раньше кратко обозначил его суть словом «вера». Итак, главное наше знание – это вера во Христа. За ней следуют наставления о том, как надо строить свою жизнь, стрекала увещаний и порицаний. Таким образом, у того, кто умеет правильно пользоваться Писанием, будет все необходимое и для спасения, и для доброй жизни. Обличение же и исправление не особо отличаются друг от друга. Разве что второе проистекает из первого. Ведь начало вразумления состоит в осознании собственного зла и предощущении суда Божия. Наставление же в праведности означает здесь основательное объяснение того, как жить свято и благочестиво.

17) *Да будет совершен (целокупен).* Целокупность означает здесь совершенство, в котором нет никакой ущербности. Апостол просто говорит о том, что Писание достаточно для совершенства. Поэтому всякий, не довольствующийся Писанием, хочет мудрствовать больше, чем должно и полезно. Но здесь возникает вопрос: поскольку Павел говорил только о том Писании, которое называлось Ветхим Заветом, как же он мог сказать, что оно усовершенствует человека со всех сторон? Ведь, если это так, все, что впоследствии добавили к Писанию апостолы, кажется излишним. Отвечаю: относительно сути Писания не было добавлено ничего. Ибо все, содержащееся в сочинениях апостолов, есть лишь чистое и подлинное объяснение закона и пророков, соединенное с предъявлением того, что было в них изложено. Поэтому Павел вполне обоснованно украсил Писания подобной похвалой. И коль скоро сегодня с приходом Евангелия учение Писания стало полнее и яснее, нам остается сказать разве что следующее: надо твердо надеяться⁴, что упомянутая Павлом польза проявится гораздо больше в том случае, если мы полюбим получать и видеть ее в своей жизни.

Глава 4

1. Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явлении Его и Царствие Его: 2. проповедай слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и

назиданием. 3. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; 4. и от истины отвратят слух и обратятся к басням.

(1. Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явление Его и Царствие Его: 2. проповедуй слово, будь настойчивым во время и не во время, убеждай, порицай, увещевай со всякой мягкостью и научением. 3. Ибо будет время, когда здравого учения терпеть не будут, но по своим прихотям будут нагромождать себе учителей, которые льстили бы слуху; 4. и от истины отвратят слух и обратятся к басням.)

1) *Итак заклинаю.* Этот вывод апостола следует прилежно отметить, ибо здесь он весьма подходящим образом соединяет Писание с его проповедью. И этим опровергается превозношение некоторых фанатиков, претендующих на то, что они больше не нуждаются в помощи учителей, поскольку чтения Писания самого по себе уже достаточно. Но Павел, рассуждая о пользе Писания, выводит не только то, что его следует читать всем, но и то, что оно должно преподаваться через учителей, которым вверено это служение. Итак, подобно тому, как вся наша мудрость заключена в Священном Писании, как не следует нам мудрствовать о чем-либо помимо него, и учителям нашим заимствовать откуда-либо еще то, что они проповедуют, так же и тот, кто, отбросив живой голос учителя, будет довольствоваться немым Писанием, на собственном опыте поймет, сколь плохо пренебрегать предписанным от *Бога и Христа* способом обучения. Поэтому будем помнить о следующем: чтение Писания рекомендуется здесь всем, но так, чтобы это не создавало помех для служения пастырей. Значит, верующие должны усердно преуспевать и в чтении, и в слушании Писания, коль скоро Бог не напрасно заповедал и то, и другое.

И, говоря об этом весьма серьезном деле, Павел добавляет клятву, предъявляя Тимофею Бога как мстителя, а Христа – как судью, в том случае, если он прекратит учительское служение. Действительно, подобно тому, как Бог, не пощадив Собственного Сына, показал этим бесценным залогом, насколько заботится о спасении Своей Церкви, так же Он и не позволит из-за небрежения пастырей безнаказанно делать добычей дьявола души, которые искупил столь дорогой ценою. Особенно подчеркнуто апостол говорит здесь о Христовом суде, поскольку от нас, выступающих от Его имени, Христос еще строже потребует отчета за плохое служение.

Христос будет судить, то есть, судить всех: и тех, кого застанет еще живыми во время Своего пришествия, и тех, кто к этому времени уже умрет. Поэтому никто не избежит Его суда. Явление же Христово и Его Царствие означают одно и то же. Ибо, хотя Христос царствует и ныне на небесах, и на земле, Царствие Его проявляется еще не вполне отчетливо и, как бы скрываясь под тенью креста, испытывает яростные нападки со стороны врагов. Поэтому оно прочно установится лишь тогда, когда, повергнув врагов и устранив и изничтожив всякую противную Ему власть, Христос полностью явит нам Свое величие.

2) *Настой (будь настойчивым) во время.* Здесь апостол рекомендует нам не только настойчивость, но рвение, преодолевающее все трудности и преграды. Ведь мы, будучи по природе чрезмерно расслаблены и ленивы, легко останавливаемся перед любыми самыми незначительными помехами. Больше того, порою мы охотно ищем оправдания для своей лени. Но подумаем о том, сколькими ухищрениями владеет сатана, чтобы мешать нашему продвижению вперед, о том, насколько медлительны и привередливы мы в деле следования нашему призванию. И мы поймем, что Евангелию останется весьма мало места, если пастыри не будут проявлять пусть даже несвоевременную настойчивость. И слова о несвоевременной настойчивости следует относить как к пастырям, так и к слушающему их народу. К пастырям они относятся в том смысле, что те

должны исполнять учительское служение не только в отведенные им часы или когда это им удобно. Им следует понукать себя, не щадя никаких сил и идя на любые тяготы. В отношении же народа несвоевременная настойчивость означает пробуждение спящих, одергивание уклоняющихся, исправление тех, кто увлечен мирской суетою.

Апостол велит быть настойчивым в *убеждении, порицании, увещании*, желая этим сказать, что для нашего понукания надо использовать множество стрекал, заставляющих идти правильным путем. Ведь, если бы мы были в должной степени обучаемыми, служитель Христов увлекал бы нас за собой одним лишь кивком головы. Однако, на деле, чтобы растормошить нас, не достаточно просто умеренных увещаний (не говоря уже о здравых советах), если к ним не добавляются пламенные порицания и упрёки.

Со всяким долготерпением (со всякой мягкостью). Весьма необходимая оговорка. Ведь, если порицания не будут опираться на учение, они или падут под собственным напором, или будут произноситься на ветер. Ибо увещания и порицания суть лишь вспомоществования для учения, поэтому без него они мало на что способны. В качестве примера можно привести тех, кто, отличаясь одной лишь пылкостью и остротой, не оснащен при этом основательным учением. Эти люди мужественно истощают себя, громогласно вещают, беспокойно суетятся – но безуспешно, поскольку строят без надлежащего фундамента. Я говорю здесь о добрых, но малообразованных и слишком пылких людях. Ибо те, которые весь свой пыл используют для нападок на здравое учение, много хуже и недостойны упоминания в этом месте. В итоге, Павел хочет, чтобы порицания были основаны на учении, дабы их не презирали, как что-то бесполезное и напрасное.

Далее, апостол хочет, чтобы острота порицаний умерялась некоторой мягкостью. Ибо нам труднее всего умерить свой пыл, если мы однажды вошли в раж. Однако там, где нами владеет нетерпение, мы трудимся без всякого успеха. Ведь в этом случае наша суровость не только подвергается насмешкам, но и раздражает людские души. Добавь к этому и то, что жесткие и необходимые люди, как правило, не могут выносить тугодумия тех, с кем имеют дело, и не в состоянии сдерживать собственное негодование и раздражение, которые, однако, следует подавлять в себе, если мы хотим принести пользу. Поэтому, пусть к строгости добавляется приправа мягкосердечия, дабы стало видно, что эта строгость исходит из благожелательной души.

3) *Ибо будет время*. Исходя из человеческой порочности, апостол показывает пастырям, какую заботу и обеспокоенность они должны проявлять. Ибо скоро наступят времена, когда Евангелие может угаснуть и исчезнуть из людской памяти, если благочестивые учителя не приложат все усилия для его сохранения. Поскольку же сейчас ко Христу еще проявляется некоторое почтение, им, по словам апостола, надо воспользоваться этим обстоятельством, подобно тому, как кто-то сказал бы при надвигающемся шторме, что следует не расслабляться, а упорно работать, потому что вскоре такой возможности уже не будет. Говоря же, что люди *не будут принимать здравого учения*, апостол имел в виду, что оно станет вызывать не только отвращение и презрение к себе, но и ненависть. Учение же это апостол называет здравым, исходя, как обычно, из его воздействия, коль скоро оно истинно наставляет нас в благочестии. И то же самое учение Павел немного ниже назовет *истиной*, как бы именуя его правильным и подлинным истолкованием Слова Божия. Это учение апостол противопоставляет басням, то есть, бесполезным измышлениям, которыми искажается простота благовестия.

Отсюда мы, во-первых, узнаем, что чем большую наглость выказывают люди, презирая учение Христово, тем более усердно должны утверждать его благочестивые учителя и тем большую настойчивость проявлять для его сохранения. Более того, своим трудолюбием они должны упреждать все нападки сатаны. И если в иных обстоятельствах можно было поступать иначе, то теперь, при такой людской неблагодарности, подобный образ

действий крайне необходим. Ведь те, кто вначале жадно хватается за Евангелие и выказывает незнамо какое к нему рвение, немного спустя начинают от него скучать, и из скуки в конце концов рождается отвращение. Другие с самого начала или яростно противятся благовестию, или, презрительно его слушая, над ним насмехаются. И, наконец, третьи, не терпя, чтобы на них возлагали бремя, сопротивляются Евангелию и от ненависти к священной дисциплине полностью отвращаются от Христа, становясь из друзей открытыми Его врагами. Так вот, с подобной неблагодарностью следует, тем не менее, бороться. И в этом случае надо прилагать еще большие усилия, чем в том, когда все добровольно принимают предложенного им Христа. Только бы нам не падать духом и не уступать в этой борьбе.

Кроме того, предупрежденные о подобном презрении к Слову Божию и Его отвержении, мы не должны пугаться словно чего-то нового, когда будущее, предсказанное здесь Святым Духом, станет исполняться на самом деле. Действительно, коль скоро по природе мы все склонны к суете, не будет ничего нового или необычного в том, если басни мы охотно предпочтем истине. Добавь сюда и то, что простое и смиренное на вид евангельское учение никак не удовлетворяет нашу гордыню и наше любопытство. Итак, сколь же мало людей чувствует вкус духовного и способно ощутить аромат обновленной жизни и всего к ней относящегося! И все же Павел пророчесствует здесь о каком-то большем, еще не проявившемся нечестии определенной эпохи и повелевает Тимофею своевременно подготовиться к тому, чтобы ему противостоять.

Будут избирать (нагромождать) себе учителей. Следует отметить глагол «нагромождать», означающий следующее: безумие будет столь великим, что люди, не довольствуясь небольшим количеством мошенников, возжелают слышать огромную их толпу. Коль скоро жажда чего-то суетного и вредного ненасытна, мир отовсюду и безостановочно добывает для себя все вообразимые и мыслимые средства, приводящие к его гибели. И у дьявола под рукою всегда имеется достаточное количество таких учителей, которых желает слушать мир. Ибо нива, на которой растут нечестивые, всегда плодоносна, какой мы и видим ее сегодня. Поэтому как никогда не будет недостатка в служителях сатаны, готовых обманывать, так никогда не будет недостатка и в поводах для обмана. И подобная порочность, постоянно царящая в людях, заслуживает именно того, чтобы они, отвергнув Бога с Его спасительным учением, охотно принимали всякий обман. Итак, то, что время от времени возникают лжеучителя, и порой даже в большом количестве, надо относить к справедливому мщению Божию. Ибо мы достойны того, чтобы унесть подобным потоком, коль скоро Слово Божие не находит среди нас никакого отклика, а если все-таки находит, то сразу же теряет авторитет.

Баснословным же учениям мы привержены настолько, что никакое количество мошенников не будет казаться нам чрезмерным. Возьмем, к примеру, папство, и посмотрим, какая огромная толпа монахов его сегодня наводнила! Если бы было надо прокормить одного благочестивого пастыря вместо десяти монахов и стольких же священников, сразу же возникли бы жалобы о несправедливом распределении средств. Итак, характер мира таков, что, с великой жадностью призывая к себе бесчисленных мошенников, он желает уничтожить все, связанное с Богом. И нет иной причины для стольких заблуждений, кроме той, что люди правильному обучению предпочитают добровольный обман. Именно на это и указывает Павел, говоря, что подобные учителя «лгуют слуху». Желая обозначить причину столь великого зла, апостол использует здесь изящную метафору, означающую, что слух мира настолько утончен, и его желание новизны столь неумоимо, что он без конца нагромождает себе учителей и каждый раз увлекается все новыми выдумками. Единственное же средство от подобного зла состоит в том, чтобы верующие научились полагаться на одно лишь чистое евангельское учение.

5. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое. 6. Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало.

7. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; 8. а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судья, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его.

(5. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, удостоверяй служение твое. 6. Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего разрешения настает. 7. Доброй битвою я бился, бег совершил, веру сохранил; 8. а что остается, то готов для меня венец праведности, который воздаст мне Господь, праведный Судья, в день оный; и не только мне, но и всем, любящим пришествие Его.)

5) Но ты будь бдителен. Апостол продолжает свое увещание, дабы, чем больше будут усиливаться болезни, тем усерднее Тимофей занимался их излечением, и чем ближе будут опасности, тем большую он проявлял бдительность. И, поскольку служителям Христовым, верно исполняющим свое служение, уготованы скорые и неминуемые сражения, апостол одновременно увещевает Тимофея быть стойким и неsgiбаемым в перенесении злключений.

«Совершать дело благовестника» означает делать то, что достойно звания благовестника. Впрочем, не ясно, охватывает ли апостол этим именем всех служителей Евангелия или имеет в виду какое-то особое служение. Я больше склоняюсь ко второму варианту, поскольку из четвертой главы Послания к Ефессянам с очевидностью явствует, что благовестники – промежуточный чин между апостолами и пастырями. Так что благовестники были как бы вторыми делателями после апостолов. И более вероятно то, что Тимофей, которого Павел еще раньше сделал ближайшим соратником во всех своих делах, в смысле церковного чина и достоинства служения был выше обычных пастырей, нежели то, что он был одним из их числа. Кроме того, почтительное упоминание о его служении направлено как к воодушевлению его самого, так и к утверждению его авторитета в глазах остальных. И Павел, без сомнения, преследовал обе эти цели.

Если в последней части предложения прочесть вместе с древним переводчиком «исполняй», смысл будет таким: полностью исполнить возложенное на тебя служение ты сможешь только тогда, когда соблюдеши мои заповеди; поэтому смотри, как бы тебе не ослабнуть в середине пути. Но поскольку *πληροφωρεῖν* часто понимается как «вызывать доверие» или «удостоверять», мне больше по душе другой смысл, также вполне подходящий к контексту: Тимофей, проявляя бдительность, терпеливо перенося скорби и настойчиво обучая других, достигнет того, что подлинность его служения окажется вне сомнений. Ибо, исходя из этих признаков, все признают его добросовестным служителем Христовым.

6) Ибо я уже становлюсь жертвою. Апостол приводит причину, по которой прибег к столь серьезным заверениям. Он как бы говорит: пока я жил, я протягивал тебе руку, и ты не испытывал недостатка в моих увещаниях; мои советы немало помогали тебе, а мой пример тебя укреплял; так вот, настало время, когда ты будешь учить и увещевать себя сам; впредь ты будешь плыть без спасательного круга; следи же за тем, чтобы после моей смерти ты не изменился в худшую сторону.

Впрочем, стоит отметить выражения, коими апостол указывает на свою смерть. Слово «разрешение» означает, что, умирая, мы умираем не полностью, поскольку имеется в виду лишь разрешение души от тела. Отсюда мы выводим, что смерть есть не что иное, как оставление душою телесной оболочки. И подобное определение смерти содержит в себе свидетельство бессмертия души. Термин же «жертва» подходил к смерти Павла особо, поскольку он шел на нее ради утверждения истины Христовой. Ибо, хотя все благочестивые представляют собой угодные Богу жертвы, живя ли в послушании или умирая, мученики приносятся в жертву более возвышенным способом, проливая кровь за имя Христово. Добавь к этому, что глагол *σπένδεσθαι*, которым пользуется здесь Павел, означает не любую жертву, а именно ту, которая совершается при заключении завета.

Поэтому эта фраза означает здесь то же, что апостол яснее излагает в Фил.2:17, говоря: я радуюсь, даже если приношусь в жертву за жертвоприношение вашей веры. Ибо в том отрывке апостол имел в виду, что вера филиппийцев узаконивается его смертью точно так же, как некогда посредством жертвоприношений узаконивались заключаемые соглашения. И не потому, что наша вера в собственном смысле основана на стойкости мучеников, а потому, что эта стойкость немало способна утвердить нас в вере. Итак, Павел наделяет свою смерть великой похвалой, называя ее узаконением учения, дабы благочестивые от нее скорее воодушевились, а не пали духом, как обычно бывает после человеческой смерти.

Время моего отшествия (разрешения). И эта фраза достойна пристального внимания. Апостол изящно устраняет чрезмерный страх перед смертью, указывая на ее природу и силу. Ведь, почему еще люди столь сильно боятся какого-либо упоминания о смерти, если не потому, что видят в смерти гибель? Павел же, напротив, называя смерть разрешением, отрицает гибель в ней человека, и учит, что во время смерти происходит лишь отделение души от тела. По этой-то причине апостол и говорит столь спокойно о том, что его время *настает*, чего он не мог бы сделать без презрения к смерти. Ибо, хотя человеческий страх и ужас перед смертью вполне естественен и не может быть полностью устранен, его все же следует побеждать верой, дабы он не мешал нам по первому призыву Божию послушно покинуть этот мир.

7) *Подвигом добрым (доброй битвою).* Поскольку обычно о событии судят по его исходу, битва, которую вел Павел, могла быть сочтена проигранной, коль скоро у нее был не столь уж счастливый исход. Поэтому апостол, напротив, называет этот исход великим, что бы ни думал о нем мир. Слова апостола свидетельствуют о великой силе его веры. Ибо общественное мнение не только сочло бы несчастным самого Павла, но и самым решительным образом возгнушалось бы его смерти. Кто не сказал бы, что Павел сражался безуспешно? Но сам апостол не зависит от превратных людских суждений, скорее, напротив, величие души Павла поднимает его над всеми бедами, не позволяя им в чем-либо мешать его славе и счастью.

Итак, битву, которою он бился, апостол называет доброй и славной. Больше того, он хвалится самой смертью, коль скоро она – как бы финиш его забега. Известно, что бегуны на ристалище достигают желаемого тогда, когда добегают до финиша. И апостол показывает, что по той же самой причине для подвижников Христовых желанна смерть, поскольку она завершает все их труды. Одновременно Павел учит, что в этой жизни не стоит почивать, коль скоро быстро преодолеть путь от старта до середины ристалища бессмысленно, если потом не продолжить бег до финиша.

Фраза же о *сохранении веры* может быть понята двояко: или так, что Павел до самого конца был верным воином Своего полководца, или так, что он устоял до конца в правом учении. И тот, и другой смысл хорошо подходит к контексту. Действительно, Павел мог подтвердить свою верность Господу только путем настойчивого провозглашения чистого евангельского учения. И все же я не сомневаюсь в том, что апостол намекает здесь на торжественную присягу, даваемую при заступлении на воинскую службу. Он как бы говорит, что выказал себя испытанным и верным Своему полководцу воином.

8) *А теперь (а что остается).* Как ранее апостол хвалился своей бранью, прохождением ристалища и сохранением веры, так и теперь он утверждает, что трудился не напрасно. Ведь порой тот, кто усердно совершает свое дело, тем не менее не получает положенной награды. Но Павел говорит, что без награды он не останется. Эта уверенность имеется у него по той причине, что он взирает на день воскресения. И то же самое следует делать и нам. Ибо вокруг себя мы видим одну лишь смерть, поэтому наш взор должен не останавливаться на этом мире, но обратиться к будущему пришествию Христову. В этом случае ничто не будет мешать нашему счастью.

Впрочем, поскольку апостол упоминает о *венце праведности* и *справедливом Судье*, и пользуется глаголом «воздавать», паписты пытаются вывести отсюда заслугу добрых дел в противность благодати Божией. Но все их доводы нелепы. Ибо незаслуженное оправдание, подаваемое нам через веру, не противоречит воздаянию за дела. Напротив, эти два положения хорошо между собой согласуются: человек оправдывается даром по благодетельству Христову, и, несмотря на это, получит награду от Бога за свои дела. Ведь Бог, приняв нас в Свою благодать, тут же начинает считать угодными Себе и наши дела, удостоивая их (хотя и незаслуженно) определенной награды.

Хотя паписты ошибаются здесь дважды: во-первых, когда выводят из этого отрывка, будто мы имеем заслугу перед Богом потому, что делаем добро силою нашей свободной воли, а, во-вторых, когда делают Бога нам обязанным так, словно спасение приходит к нам не от Его благодати, а откуда-то еще. Однако из того, что Бог справедливо воздает нам все, что воздает, не следует, будто Он чем-то нам обязан. Ибо Бог справедлив, даже благодетельствуя даром. И Бог воздает обещанную Им награду не потому, что мы опережаем Его каким-либо угодным Ему делом, но потому, что Он с той же самой щедростью, какую ранее начал к нам проявлять, добавляет к Своим прежним дарам последующие.

Итак, паписты напрасно и превратно утверждают, будто этот отрывок доказывает, что добрые дела исходят от силы свободной воли, поскольку вполне разумно положение о том, что Бог увенчивает в нас Свои же Собственные дела. Не менее напрасно и глупо пытаются они этими словами ниспровергнуть праведность по вере, коль скоро благодать Божия, посредством которой Он незаслуженно принимает человека, не вменяя ему грехи, ничем не противоречит воздаянию за дела, которое совершается по той же самой обещанной Богом милости.

И не только мне. Чтобы все остальные вместе с ним с воодушевлением участвовали в этой брани, апостол приглашает их к общению в положенной награде. Ибо несгибаемая стойкость апостола не могла бы служить нам примером, если бы одинаковое упование на венец не предлагалось всем. И, говоря: «всем, любящим пришествие Его», он наделяет благочестивых весьма примечательным признаком. Действительно, везде, где возобладает вера, она стряхнет с живущих в мире людей оцепенение и вознесет их души к надежде на последнее воскресение. Итак, апостол хочет сказать, что все приверженные миру сему и любящие эту преходящую жизнь, не думающие о пришествии Христовом и никак его не желающие, лишают себя бессмертной славы. Поэтому – горе нашей оцепенелости, подавляющей нас и мешающей серьезно размышлять о пришествии Христовом, к которому надлежит обратиться всей своей душою! Добавь к этому, что апостол исключает из числа верующих тех, кого устрашает пришествие Христово. А его нельзя полюбить, если оно не будет казаться нам сладостным и приятным.

9. Постарайся придти ко мне скоро. 10. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далмацию; один Лука со мною. 11. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. 12. Тихика я послал в Ефес. 13. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные.

(9. Постарайся придти ко мне скоро. 10. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далмацию; один Лука со мною. 11. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. 12. Тихика я послал в Ефес. 13. Когда пойдешь, принеси плащ, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, и пергаменты.)

9) *Постарайся.* Поскольку Павел знал, что время его смерти настало, не сомневаюсь, что у него было много тем, на которые ради блага Церкви он хотел прилюдно поговорить с Тимофеем. Посему апостол без колебаний призывает его из далекой заморской страны.

Действительно, причина, по которой апостол отзывал Тимофея из церкви, над которой он председательствовал, и притом из такой дали, была чрезвычайно весомой. Ведь то, чему Тимофей научился за короткое время общения с апостолом, еще долго приносило бы пользу всем церквям. Так что по сравнению с этой пользой потеря половины или целого года была весьма незначительной. Однако из последующих слов видно, что Павел призывал Тимофея также и ради самого себя, поскольку был лишен верных помощников. Однако положенное лично ему апостол не ставил выше интересов Церкви, и поступал так потому, что дело касалось благовестия в целом. И поскольку апостол защищал Евангелие, даже находясь в узах, он испытывал нужду в том, чтобы ему в этом деле помогали и другие.

10) *Возлюбив нынешний век.* Для такого мужа, действительно, позорно оставить Христа из-за любви к этому веку. Однако не стоит думать, будто Димас, прямо отрекшись от Христа, снова посвятил себя нечестию и отдался мирским соблазнам. Он лишь предпочел свои личные удобства или свою безопасность жизни Павла. Он не мог быть с апостолом без того, чтобы испытывать многочисленные скорби и стеснения, подвергая опасности свою жизнь. Он был выставлен на всеобщее поношение, сносил множество обид, был вынужден оставить заботу о собственном имуществе. Поэтому, побежденный страхом перед крестом, Димас захотел позаботиться о самом себе. И нет сомнения, что мир встретил его с распростертыми объятиями.

Далее, то, что Димас был одним из главных спутников Павла, можно заключить из следующего: апостол упоминает его среди немногих в Послании к Колоссянам, 4:14 и в Послании к Филимону, 24, где причисляет Димаса к своим помощникам. Поэтому не удивительно, что апостол столь сильно упрекает здесь Димаса за то, что он выказал большую приверженность себе, нежели Христу. Другие же упомянутые апостолом люди покинули его по справедливым причинам и по его собственному желанию. Отсюда явствует: Павел заботился о себе не в такой степени, чтобы лишить церкви своих пастырей лишь для того, чтобы получить от этого какое-то облегчение. Без сомнения, апостол всегда старался призывать к себе или удерживать у себя лишь тех, чье отсутствие не мешало бы другим церквям. По этой причине Павел, призвав к себе Тимофея, одновременно отправляет Тита в *Далматию*, а других – в другие места. Больше того, чтобы эфесская церковь не оказалась осиротевшей и не потерпела ущерба из-за отсутствия Тимофея, Павел посылает туда Тихика, и сообщает Тимофею о том, что его обязанности будут кому исполнять.

13) *Плащ, который я оставил в Троаде.* Относительно слова, переведенного как «плащ», переводчики между собой разногласят. Некоторые думают, что это слово означает ящик для книг, другие – что какую-то разновидность одежды, защищающую путника от холода и дождей. Но какое бы толкование ни выбрать, возникнет сложность: почему Павел велит принести себе ящик или одежду из столь отдаленного места? Как будто в Риме не было ремесленников, сукна, или древесины! Если же предположить, что ящик этот содержал книги, карты или послания, вопрос исчезнет, ибо все это нельзя было купить за деньги. Но, поскольку многие не принимают подобного предположения, я без труда соглашусь со словом «плащ». И вовсе не глупо то, что Павел попросил принести его из столь отдаленного места. Ведь из-за долгого предыдущего употребления этот плащ был для него удобнее других. Кроме того, апостол хотел избежать лишних трат. Хотя, признаюсь, что мне больше нравится первое толкование. Особенно, поскольку Павел тут же добавляет: «книги и пергаменты». Отсюда явствует, что апостол, даже готовясь к смерти, не прекращал заниматься чтением.

Но как же в этом случае быть с теми, кто думает, будто преуспел настолько, что уже не нуждается ни в каких дальнейших упражнениях? Кто посмеет сравнивать себя с Павлом? Еще больше эта фраза опровергает безумие тех фанатиков, которые, презрев книги и осудив всякое чтение, кичатся одними своими *ἐνθουσιασμούς* [или *ἐνθουσιασμοίς*, если в

дательном падеже, соответствующем нашему творительному – прим. пер.]. Мы же знаем, что в этом отрывке всем благочестивым рекомендуется постоянное чтение, дабы они получили от него пользу.

Но кто-нибудь спросит: к чему стремился Павел, прося об одежде, если он чувствовал приближающуюся смерть? И эта трудность также подвигает меня отнести сказанное к ящику с книгами. Хотя тогда у одежды могло быть и такое употребление, о котором сегодня мы ничего не знаем. Поэтому не хочу излишне утруждать себя этим вопросом.

14. Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его! 15. Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам. 16. При первом мое ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! 17. Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей. 18. И избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства, Ему слава во веки веков. Аминь. 19. Приветствуй Прискиллу и Акилу и дом Онисифоров. 20. Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите. 21. Постарайся прийти до зимы. Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия. 22. Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь.

(14. Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его! 15. Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам. 16. При первой моей защите никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! 17. Господь же был со мною и укрепил меня, дабы через меня утвердилось провозвестие и услышали все язычники. 18. И я избавился из пасти львиной; и избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства, Ему слава во веки веков. Аминь. 19. Приветствуй Прискиллу и Акилу и семью Онисифора. 20. Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите. 21. Постарайся прийти до зимы. Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия. 22. Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь.)

14) Александр. Этот человек явил собою пример ужасного отступничества. Ранее он выказывал некое усердие в распространении Царства Христова, а после стал враждебно на него нападать. Нет ничего вредоноснее этого сорта людей, ничего более заразного. Но Господь хотел, чтобы Его Церковь с самого начала не была избавлена от подобного зла, дабы мы, подвергнувшись похожему искушению, не пали из-за них духом. Следует отметить, о каком именно великом зле со стороны Александра жалуется здесь Павел. Он имеет в виду, что этот человек противился его учению. Александр был ремесленником, не учившимся в школе, и не владел искусством спора. Но домашние враги всегда с избытком обучены нам вредить. И нечестность подобных людей всегда вызывает к себе доверие в мире. Так что порой злобное и бесстыдное невежество доставляет нам больше трудностей и хлопот, чем наивысшее остроумие, соединенное с учительскими способностями. Добавь к этому, что Господь, посылая своих людей в бой с подобным отребьем, намеренно призывает их не смотреть на мир, дабы они не стремились к внешней помпезности и блеску.

Из слов Павла можно заключить, что больше всего огорчали его нападки на здоровое учение. Ведь, если бы Александр нападал лично на него или оскорблял только его, апостол стерпел бы все это с большим спокойствием. Но там, где нападают на истину Божию, его святое сердце пылает негодованием, поскольку во всех рабах Христовых должны исполниться слова: ревность к дому Твоему снедает меня. Сюда же относится и вырвавшаяся из уст Павла суровая молитва о том, чтобы Господь воздал Александру. Немного ниже, жалуясь на то, что был оставлен всеми, Павел, тем не менее, не испрашивает им мщение Божие. Скорее он действует в качества ходатая, выпрашивая для них прощение.

Так вот, почему же апостол, будучи столь кротким и милостивым ко всем остальным, выказывает себя жестким и неумолимым к одному этому человеку? Потому что другие согрешили из-за страха и немощи. И по этой причине апостол желает для них прощения Господня. Так и нам подобает сострадать немощи наших братьев. Но поскольку Александр восстал на Бога по злобе и со святотатственной дерзостью, поскольку он открыто нападал на уже познанную им истину, его нечестие не заслуживало никакого снисхождения. Поэтому не надо думать, будто Павел прибег к подобной молитве в пылу горячности. Напротив, вечной гибели для Александра, как и милосердия для других, он желал по внушению от Духа Божия и руководствуясь правым рвением. Поскольку же Павел изрекает это осуждение под водительством Небесного Духа, отсюда можно заключить, сколь драгоценна для Бога истина, нападки на которую Он столь сурово карает. В особенности следует отметить, насколько омерзительно осознанное и злобное восстание на истинную религию.

Впрочем, дабы никто не стал превратно подражать в этом апостолу и не молился необдуманно подобной молитвой, следует отметить три момента. Во-первых, мы не должны иметь в виду собственные обиды, дабы нами, как обычно бывает, не овладели любовь к себе и стремление к личной выгоде. Во-вторых, мы не должны, утверждая славу Божию, примешивать к ней какие-либо личные чувства, всегда мешающие правильному порядку. В-третьих, нам следует не выносить суждение поспешно, но осуждать лишь тех отверженных, которые выказывают себя таковыми собственным нечестием, дабы наши желания согласовывались с судом Божиим. В противном случае, есть опасность, что нам ответят так же, как Христос ответил Своим ученикам, всплывшим на всех без исключения не слушающих их людей: вы не знаете, какого вы духа (Лк.9:55). Казалось, что эти ученики шли вслед за Илией, который просил у Господа того же самого. Но поскольку они были весьма далеки от его духа, подражание их было воистину порочным. Поэтому прежде, чем мы разразимся подобными молитвами, необходимо, чтобы Господь явил нам Свой суд, и, кроме того, чтобы Он умерял наше рвение уздой Своего Духа. И всякий раз, как мы будем вспоминать о гневе Павла на одного этого человека, вспомним и о удивительной милости апостола к тем, кем он был столь постыдно покинут, дабы научиться на его примере сострадать немощи братьев.

Далее, я хотел бы узнать от тех, кто воображает, будто Петр председательствовал над римской церковью, когда именно произошло описываемое Павлом событие. Ибо, по их мнению, Петр еще не должен был умереть, коль скоро между его смертью и смертью Павла пришло, по их словам, около года. Кроме того, понтификат Петра они продлевают до семи лет. Павел упоминает здесь о своей первой защите, но его дело не могло быть рассмотрено очень быстро. Так вот, возьмет ли Петр вину за столь вероломное отступничество только для того, чтобы не утратить титула папы? Действительно, тщательно все обдумав, мы придем к выводу о баснословности всего, во что верят касательно его папства.

17) *Господь же предстал мне (был со мною).* Павел добавил эти слова для устранения соблазна, который мог произойти от того, что все позорным образом оставили его при первой защите. Ибо, хотя римская церковь не исполнила тогда своего долга, Павел отрицает, что от этого происходит какая-либо угроза для Евангелия, коль скоро он, уповая на небесную силу, готов взвалить на себя весь груз гонений. Он не пал духом из-за всеобщего страха, но сделал вывод, что благодать Божия не нуждается в каких-то иных вспомоществованиях. Павел не хвалится своим мужеством. Он благодарит Господа за то, что, будучи доведенный до крайности, не покорился столь опасному искушению и не был сломлен.

Итак, апостол говорит, что его поддерживала только десница Господня. Причем, он довольствовался лишь внутренней благодатью духа, которая подобно щиту помогала выдержать все удары извне. Павел приводит причину такого поведения: он поступал так

для того, чтобы *утвердилось провозвестие*. Провозвестием же он называет особо вверенное ему служение распространения Евангелия среди язычников. Ибо проповедь других апостолов, адресованная лишь иудеям, не вполне подходила под понятие провозвестия. Павел же повсеместно и не без причины пользуется этим словом. И то, что он, несмотря на яростные нападки всего мира, на отсутствие какой-либо человеческой помощи, все же оказался непобежденным, особым и необычным образом подтверждало его служение. Этим Павел на деле доказал, что его апостольство исходило от Христа. Апостол также указывает на способ, коим подтвердилось его служение: *язычники услышали* о том, что Господь был с Павлом, могущественно выказывая Свою силу. Отсюда можно вывести, что призвание как язычников, так и Павла исходило от Господа.

18) *Избавился из пасти львиной*. Многие под словом «лев» понимают здесь Нерона. Я же скорее думаю, что оно обозначает какую-либо опасность вообще. Апостол как бы говорит: я избавился от угрожавшего мне пожара или от когтей смерти. Он хочет сказать, что избавление случилось не без чудесной помощи от Бога, ибо опасность была такая, что в противном случае Павел был бы сразу уничтожен. И на то же самое, по его словам, апостол надеется в отношении будущего. Не на то, что избежит смерти, но на то, что сатана не победит его и не уведет с правильного пути. Именно об этом должны просить в первую очередь и мы: не помощи для тела, а преодоления всех искушений, готовности скорее сотню раз претерпеть смерть, нежели допустить в свою голову мысль оскверниться каким-либо злым делом.

Хотя мне известно, что некоторые понимают «злое дело» в пассивном смысле как означающее насилие со стороны нечестивых. Павел как бы говорит, что Господь не позволит нечестивым причинять ему зло. Но первый смысл подходит к контексту значительно лучше: Господь сохранит апостола чистым и свободным от любого преступления. Ведь затем Павел сразу же добавляет: и сохранит для Своего *Небесного Царства*. Этим он хочет сказать, что спасение истинно лишь в том случае, если Господь либо через жизнь, либо через смерть приведет нас в Свое Царство.

Это – замечательное место, утверждающее вопреки папистам непрерывное подаяние Божией благодати. Ибо, признавая, что начало спасения исходит от Бога, продолжение его они приписывают свободной воле, дабы, таким образом, стойкость оказалась не небесным даром, а человеческой добродетелью. Но Павел именно Богу приписывает дело сохранения нас для Его Небесного Царства. Этим он прямо утверждает, что вся наша жизнь управляется Его десницей, доколе мы, завершив свою брань, не одержим полной победы. И сказанное подтверждает достопамятный пример Димаса, о котором апостол упомянул немного выше. Ведь из отважного подвижника Христова он превратился в позорного дезертира. Все же последующее⁵ не нуждается в новом толковании, поскольку рассмотрено в другом месте.